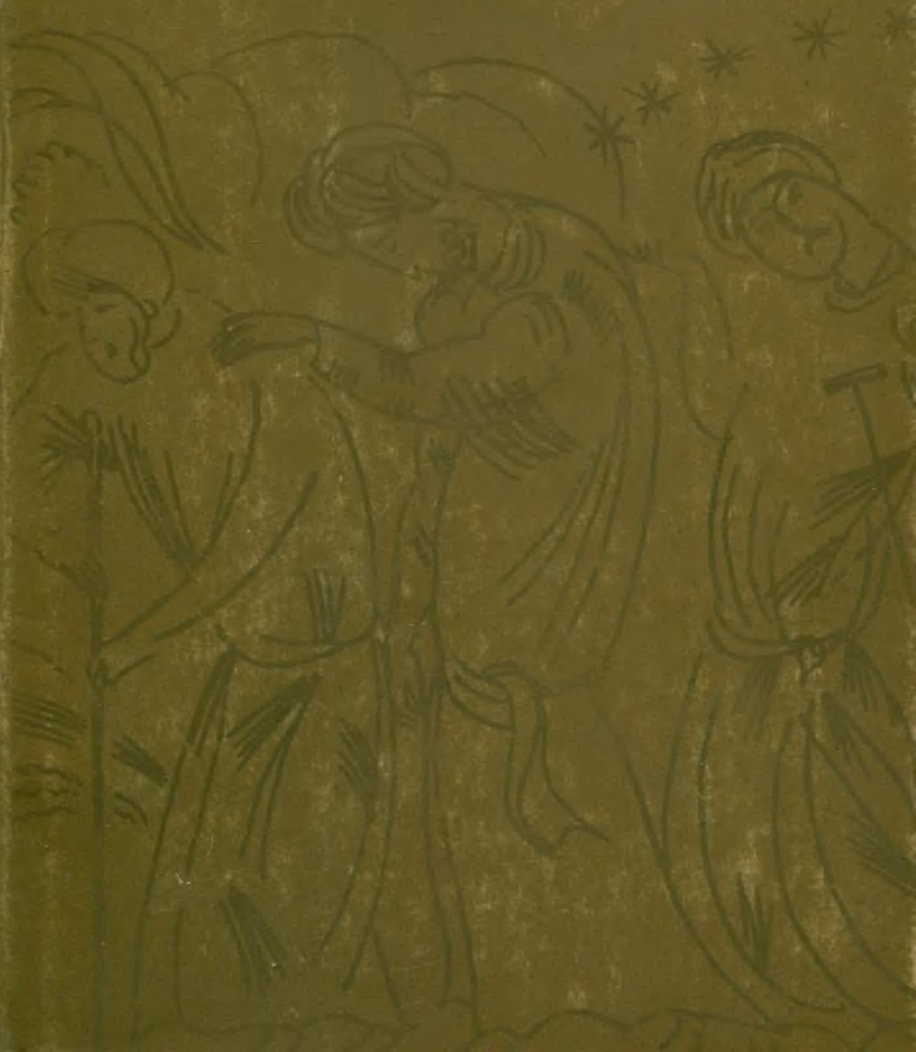

Абу-ль-Аля эль-Маарри

СТИХОТВОРЕНИЯ

Абу-ль-Аля эль-Маарри

Абуль-Аля аль-Мварри

АБУ-ЛЬ-АЛЯ АЛЬ-МААРРИ. СТИХОТВОРЕНИЯ

Абу·ль·Аля аль·Маарри

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с арабского

А. ТАРКОВСКОГО

Москва

«Художественная литература»

1979

И (Араб)
М 12

Вступительная статья, примечания,
подстрочный перевод
И. Фильштинского

Художник
М. Клячко

70404-233
М 197-79
028(01)-79

© Оформление. Издательство
«Художественная литература»,
1979 г.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ И МЫСЛИТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА

В богатой яркими поэтическими дарованиями арабской классической поэзии прославленный поэт-философ из Сирии Абу-ль-Аля аль-Маарри (973—1057) занимает совершенно особое место. Творчество аль-Маарри — не только вершина и итог почти четырехсотлетней истории арабской средневековой поэзии, но и своеобразный синтез сложной и пестрой культуры арабо-мусульманской империи — халифата.

Великий слепец жил в беспокойное и мрачное время. Некогда могущественный Багдадский халифат к середине X века фактически распался, халифы утратили свою былую власть, и в провинциях бесконтрольно хозяйничали эмиры. Империю терзали непрерывные политические и религиозные междоусобицы, от которых особенно страдала расположенная в центре родина поэта — Сирия. Небольшое селение, в котором поэт родился и прожил почти всю жизнь — Мааррат ан-Нуаман, входившее в состав Алеппского округа, не раз становилось объектом соперничества феодальных кланов. На веку аль-Маарри в Алеппо сменилось множество правителей, тщетно пытавшихся удержаться в запутанной обстановке сепаратистского движения в городах, бедуинских набегов и угроз со стороны могущественных соседей и в конце концов признавших власть фатимидов. Положение осложнялось постоянными набегам на Сирию воинственной секты карматов, основавших

в Аравии свое государство и жестоко истреблявших инакомыслящих.

Аль-Маарри с детства был свидетелем постоянных смен властей, кровавых междоусобиц, фанатических эксцессов и прочих трагических событий «смутного времени». Прекрасно зная религиозно-богословские доктрины в теории, поэт имел возможность наблюдать и «практику их осуществления»: злодеяния, совершаемые толпами фанатиков во главе с хитрыми демагогами, ловко эксплуатировавшими народное горе и невежество. Воспитанный в почитании догм ортодоксального ислама, аль-Маарри с горечью убеждался в том, что суннитские богословы такие же невежественные догматики и фанатики, как и их противники. Не находя ни в одном из противоборствующих течений реализации нравственных и духовных идеалов ислама, Абу-ль-Аля проявляет поразительную, на фоне царившей вокруг нетерпимости, широту взглядов.

* * *

О жизни Абу-ль-Аля аль-Маарри известно не слишком много. Поэт родился в семье мусульманского богослова, в четырехлетнем возрасте перенес оспу и ослеп, что не помешало ему, однако, изучить Коран, богословие, мусульманское право, мусульманские предания, историю арабской поэзии, греческую философию, а также, по-видимому, элементы математики, астрономии и медицины — словом, все то, что входило в те времена в комплекс знаний высокообразованного мусульманина. В произведениях аль-Маарри чувствуется колоссальная эрудиция.

Арабские средневековые источники сообщают, что в молодые годы поэт совершил несколько поездок по Сирии, побывал в Алеппо, Антакии

(Антиохии) и Латакии, в то время находившихся под господством Византии, где общался с неким христианским монахом, от которого позаимствовал «еретические» идеи. Особое значение в формировании мировоззрения Абу-ль-Аля сыграла его поездка в Багдад, где он прожил полтора года и имел возможность встречаться со многими выдающимися учеными того времени. Болезнь и смерть матери заставили поэта вернуться в родное селение (ок. 1010 г.), и там он безвыездно и уединенно прожил до конца своих дней «узником двойной тюрьмы» — слепоты и добровольного заточения, ведя строго аскетический образ жизни. Аль-Маарри никогда не был женат, не употреблял в пищу ни мяса, ни молока, ни меда, питался чечевичной кашей, инжиром и овощами, одевался в грубую одежду, спал на войлоке и никогда не выходил из дому. Большую часть небольшой пенсии, установленной для него алеппскими правителями (30 динаров в год), Абу-ль-Аля отдавал слуге, который ухаживал за беспомощным слепцом. Источники сообщают, что авторитет Абу-ль-Аля в родном городе был очень велик, слава о его учености и мудрости привлекала к нему множество учеников.

Аскетизм, известный арабам еще в доисламские времена от христиан-монахов, был распространен среди представителей различных мусульманских течений, находивших в нем форму противостояния порочности общества. С аскетизмом аль-Маарри связано его отношение к женщине как источнику зла и всяческих соблазнов. Его высказывания о женщине, которой, по мнению Абу-ль-Аля, не нужно никакого образования, а надлежит лишь повиноваться мужу, воспитывать детей и работать в доме, — одно из немногих проявлений средневеково-мусульманской узости в творчестве поэта, ко всем

вопросам подходившего с исключительными для его времени широтой и благородством.

Искатель истины и справедливости, аль-Маарри принадлежал к числу немногих, кто решался в то время критиковать официальное догматическое богословие и фанатизм различных толков. Произведения Абу-ль-Аля воссоздают в сознании читателя образ свободомыслящего мусульманина и замечательного философа-моралиста, чья мысль на многие столетия опередила время. Скучные сведения о жизни поэта также говорят о поведении, для того времени необычном. Известно, что Абу-ль-Аля, не признававший мусульманских обрядов и выдвигавший нравственные требования в противовес требованиям формальной, схоластической псевдодуховности, не выполнял элементарных обрядовых предписаний ислама и даже не посещал мечеть в день пятничной молитвы. Об исключительном для арабских средневековых литературных нравов чувстве личного достоинства свидетельствует отказ аль-Маарри сочинять панегирики правителям. Однако беспомощный слепец никогда не забывал об осторожности и сдержанности, сохраняя внешнюю лояльность к официальной религиозной доктрине и к часто менявшимся политическим властям. Поэтому порой нелегко проникнуть в его сложные философские и богословские рассуждения, облеченные в одежды мусульманской благопристойности.

Большинство произведений аль-Маарри, к сожалению, утрачено. Существует два стихотворных сборника: «Сакт аз-занд» («Искры из-под огня»), куда вошли в основном стихи раннего периода «учения и странствий», и знаменитый диван «Лузу-

мийт» («Обязательность необязательного»), в котором собрана философская лирика, созданная в годы маарратского затворничества. Кроме того, известен ряд прозаических произведений аль-Маарри: послания, комментарии к диванам выдающихся арабских поэтов Абу Таммама, аль-Бухтури, аль-Мутанабби и других.

Круг вопросов, занимающих поэта, весьма разнообразен. Но есть в его лирике несколько отчетливо доминирующих тем: социальная несправедливость, порочность человека и общества, зло и страдание как непреодолимый закон бытия, тайна жизни и смерти.

Каждый бейт бесконечных лирико-философских медитаций аль-Маарри проникнут напряженным трагизмом, его мысль полна мучительных контраверс. Гневное презрение к миру сочетается в его сознании с любовью к людям, обличение переходит в сострадание, мизантропия оборачивается страстным призывом к справедливости, защитой униженных и обездоленных, попытка рационального постижения миропорядка сменяется ощущением власти хаоса, и всем духовным поискам неизменно сопутствует сомнение.

Жизнь представляется поэту цепью бесконечных страданий. Катастрофические события его эпохи давали много оснований для социального пессимизма. Надежды на установление справедливой и «праведной» жизни, которые сулила беспомощному перед жестокостью и произволом народу каждая из противоборствующих религиозных доктрин и ересей, опровергались всеобщей враждой и кровопролитиями.

Ислам не раскрывал творческих возможностей личности, напротив, подавлял верующего сознанием его греховности. И аль-Маарри постоянно говорит о людских пороках, в которых видит корень социаль-

ного зла, требуя от человека их преодоления и нравственного совершенствования.

Отчаяние перед социальным злом перерастает у Абу-ль-Аля в ужас перед мировым злом:

Клянуп, о злобный мир, обман коварный твой,
Опутавший людей в пучине мировой!

Вопреки традиционному мусульманскому учению о промысле божьем, исключающем возможность зла и несправедливости, ибо все совершается по воле Аллаха, поэта преследует мысль о безвинном страдании и зле, несовместимыми со всемогуществом и всеблагостью божества, порой переходящая в критику созданного богом миропорядка.

Если воли свободной преступник лишен,
То его не по праву карает закон.

Тема страдания органически переплетается с центральной в лирике аль-Маарри темой смерти. Едва ли в «Лузумийят» можно найти хоть одно большое стихотворение, в котором не говорилось бы о смерти.

Развивая мотивы предшественников — Абу-ль-Атахи (748—825) и аль-Мутанабби (915—965), — Абу-ль-Аля постоянно возвращается к мысли о неизбежной гибели, поминутно подстерегающей человека на его земном пути. Человек рождается на муки и с первого же дня своего существования движется к кончине.

Размышления о смерти подводят поэта к вопросу о загробной жизни. Здесь свободомыслие Абу-ль-Аля, подвергающего мусульманскую традицию критическому рассмотрению, особенно очевидно. Поэт категорически отвергает утешающие человека обыч-

ные мусульманские представления о загробной жизни и воскресении из мертвых.

В своем пародийном «Трактате о прощении» Абу-ль-Аля изображает жизнь праведников в раю как некое подобие земной жизни: попавшие в рай не по заслугам, а в результате различных интриг, праведники ссорятся между собой, плетут всяческие козни, предаются чувственным наслаждениям и даже богохульствуют.

Верующий, богобоязненный мусульманин Абу-ль-Аля не противопоставляет разум вере как таковой, но, исходя из критериев разума (ибо «нет имама, кроме разума»), отвергает многие утверждения ортодоксального ислама.

Вера в божество — как первопричину всего сущего, источник истины и добра — не отождествлялась в его сознании с сотворенными людьми мифами и догматами. В своем свободомыслии аль-Маарри, критикующий не только сунну (мусульманское предание), но даже некоторые положения Корана, заходит значительно дальше своих самых просвещенных современников — не случайно ортодоксы-богословы именуют его зиндиком (еретиком). По-видимому, этим идейным одиночеством поэта объясняется постоянный мотив одиночества в его лирике:

Я одинок, и жизнь моя пустынна,
И нет со мной ни ангела, ни джинна.

Общее настроение лирики аль-Маарри — глубокая неудовлетворенность нравственным и идейным состоянием средневекового мусульманского общества. В пессимистическом мироощущении поэта сказалась и личная драма слепца, и трагический социальный опыт «смутного времени», и общий кризис средневекового сознания. Однако мрачный

тон его поэзии просветляется благородным пафосом гуманности и сострадания и неизменным сознанием предназначения человека, которое поэт видит в стоическом служении добру.

Твори добро без пользы для себя,
В нем благодарность за него любя.

* * *

Ранние стихи аль-Маарри еще написаны в традиционных средневековых жанрах. В «Сакт аз-занд» есть риса (элегии) на смерть друзей и близких, панегирики, любовные стихи; значительную часть сборника составляет цикл «Кольчуги» — описание боевого снаряжения воина и другие сочинения в жанре «васф».

Но в «Лузумийят» Абу-ль-Аля совершенно отходит от традиционных форм (сохраняя лишь традиционные размеры) и, по существу, создает новый для арабской поэзии жанр философской лирики.

Поэтический стиль аль-Маарри передает напряженный драматизм мысли поэта. Уже в ранних стихах из сборника «Сакт аз-занд» поэт любит соединять противоположные понятия, состояния, ощущения: жизнь — смерть, радость — страдание, молодость — старость, греховность — праведность. В «Лузумийят» образный язык поэта оттачивается, обретает большую гибкость, афористичность. В одном бейте сталкиваются контрастные пары, воображение движется от понятия к его противоположности, причем своеобразная симметрия поэтической строки как бы объединяет несовместимые начала в гармоническое целое.

Смерть — это мирный сон, отдохновение плоти,
А жизнь — бессонница, пристрастная к заботе.

Во времена аль-Маарри принято было насыщать поэзию эрудицией. И в этом отношении высокообразованный Абу-ль-Аля превзошел поэтов-современников, широко используя в своих стихах самые разнообразные знания. Тут и древнеарабские предания, и коранические реминисценции, и всевозможные сведения исторического, философского и естественнонаучного характера. Несмотря на слепоту, поэт часто прибегает к образам звездного неба, которое он себе очень хорошо представляет: упоминает различные планеты, описывает расположение звезд на небе, Млечный Путь. Встречаются у аль-Маарри и шахматные ассоциации — средневековые источники сообщают, что слепой поэт умел играть в шахматы. Особенно характерны для Абу-ль-Аля образы лингвистические, строящиеся на понятиях арабской грамматики и поэтики, а также на игре слов и аллитерациях, в которых поэт был бесконечно изобретателен.

С глаголом зло всегда сравниться бы могло:
В прошедшем, в будущем и в настоящем — зло.

Арабская критика неизменно считает «Лузумий-ят» непревзойденным поэтическим шедевром. Неувядаема слава аль-Маарри — поэта, тысячелетие назад запечатлевшего в своей лирике духовные искания непреходящей общечеловеческой значимости.

И. ФИЛЬШТИНСКИЙ

ИСКРЫ ИЗ-ПОД ОГНИВА

* * *

Я знаю, что того, кто завершил свой путь,
Нельзя ни пением, ни воплями вернуть.

Мне весть печальная, услышанная ныне,
Как радостная весть о новой благостыне.

Кто может мне сказать: голубка средь ветвей
Поет о горестях иль радости своей?

Источен щит земли могилами, и надо
Считать их множество с возникновенья ада.

Да будет легок шаг идущего! Покой
Тела истлевшие вкушают под стопой.

Хоть наших пращуров и след исчез мгновенный,
Не должно оскорблять их памяти священной.

Пускай по воздуху пройдет твоя тропа,
Чтоб гордо не топтать людские черепа.

В иной могиле смерть двух мертвецов сводила,
И радовалась их различию могила.

Но где один костяк и где другой костяк,
Спустя столетие не различить никак.

Созвездья севера поведать нам попросим —
Как много повидать прохожих довелось им,

В который раз они зардели в горней мгле,
Указывая путь бредущим по земле?

Изнеможение земная жизнь приносит,
И я дивлюсь тому, кто долготетья просит.

Печаль в тот час, когда несут к могиле нас,
Сильнее радости в наш изначальный час.

Для вечной жизни мы сотворены из глины,
И наша цель не в том, чтоб сгинуть в час кончины:

Мы только дом труда меняем все подряд
На темный дом скорбей иль светлый дом отрад.

Смерть — это мирный сон, отдохновенье плоти,
А жизнь — бессонница, пристрастная к заботе.

Воркуйте, голуби, и пусть ваш хор сулит
Освобождение от горя и обид.

Благословенное вас молоко вскормило,
В надежном дружестве благая ваша сила.

Вы помните того, кто был еще не стар,
Когда в могильный мрак сошел Йад ибн Низар.

Пока вы носите на шее ожерелье,
Вам, голуби, милей не горе, а веселье.

Но песни счастья — прочь, и украшения — прочь!
Одежды черные пусть вам одолжит ночь,

И, в них на сборище печальное отправясь,
Вы причитайте в лад рыданиям красавиц.

Рок посетил его, и завершил свой круг
Мудрец Абу Хамза, умеренности друг,

Муж, потрудившийся для толка Нуамана
Успешней, чем Зияд с его хвалою рьяной.

Великий златоуст, он мог бы силой слов
Преобразить в ягнят кровелюбивых львов.

Правдиво передав священные сказанья,
Он заслужил трудом доверье и признание.

Отшельником он жил, в науки погружен,
Хадисы древние умом поверил он

И, над писанием склоняясь неустанно,
Опустошил пером колодец свой стеклянный.

Он видел в золоте приманку суеты,
И не могло оно привлечь его персты.

Ближайшие друзья Абу Хамзы, вы, двое,
Прощание как снедь возьмите в путь с собою.

Слезами чистыми омойте милый прах,
Могилу выройте в сочувственных сердцах.

На что покойному халат золототканый?
Да станут саваном страницы из Корана!

Пусть восхваления идут за мертвым вслед,
А не рыдания, в которых смысла нет.

Что пользы — горевать! Уже остывшей плоти
Вы никаким путем на помощь не придете.

Когда отчаяньем рассудок помрачен,
На средства мнимые рассчитывает он.

К молитве опоздав, так Сулейман когда-то
Своих коней хлестал, унынием объятый,

А он, как сура «Сад» нам говорит о нем,
Для духов и царей был истинным царем.

Не верил людям царь и сына счел за благо
Предать ветрам, чтоб те его поили влагой.

Он убедил себя, что день судьбы настал,
И сыну своему спасения искал,

Но бездыханный прах судьба во время оно
Повергла на ступень родительского трона.

В могиле, без меня, лишенному забот,
Тебе, мой друг, тяжел земли сыпучей гнет.

Врач заявил, что он ничем помочь не может.
Твои ученики тебя не потревожат.

Горюющий затих и понял, что сюда
Не возвратишься ты до Страшного суда.

Кто по ночам не спал, заснул сегодня поздно,
Но и во сне глаза горят от соли слезной.

Сын благостной семьи, без сожалений ты
Покинул шлюху-жизнь у гробовой плиты.

Переломить тебя и смерть сама не в силе.
Как верный меч в ножнах, лежи в своей могиле!

Мне жаль, что времени безумный произвол
Смесит в одно стопы и шеи гордый ствол.

Ты с юностью дружил. Она была готова
Уйти, но друга ты не пожелал другого

Затем, что верности нарушить ты не мог,
А верность — мужества и доблести залог.

Ты рано дни свои растратил дорогие.
Уж лучше был бы ты скупее, как другие!

О уходящие! Кто в мире лучше вас?
И кто достойнее дождя в рассветный час,

Достойнее стихов, исполненных печали,
Что смыть бы тушь могли, когда б слезами стали?

Сатурн свиданию со смертью обречен,
Хоть выше всех планет в круговращенье он.

Дыханье перемен погасит Марс кровавый,
На небе высоко встающий в блеске славы,

Плеяды разлучит, хоть был до этих пор
Единством их пленен любующийся взор.

Пусть брат покойного своим врагам на зависть
Еще сто лет живет, с великим горем справясь,

Пусть одолеют скорбь в разлуке сыновья
И раны заживят под солнцем бытия!

Когда из моря мне напиться не хватило,
Бессильна мне помочь ручья скупая сила.

Как разрушению подвержен каждый дом —
И свитый голубем, и сложенный царем,—

Мы все умрем равно, и не дворца громадой,
А тенью дерева довольствоваться надо.

По воле суеты не молкнет спор, и вот
Один приводит зло, другой к добру зовет.

Но те хулители, смущающие ближних,—
Животные, чья плоть бездушна, как булыжник.

Разумен только тот, кто правде друг и брат,
Кто бытию не лжет, несущему распад.

* * *

Тебе, рыдающий, не лучше ль терпеливо
Ждать возвращения огня в твое огниво?

Тот, кто унынию подвержен в скорбный час,
Способен лишь на то, чтоб слезы лить из глаз.

Но не жалейте слез над гробом Джаафара:
Из жителей земли никто ему не пара.

Когда мы восхвалить достоинство хотим,
Всего уместнее одно сравнить с другим.

Благоуханьем ренд не стал бы славен прежде,
Чем дерево кулям раскрыло листья в Неджде.

Неодинаково скорбит о друге друг—
Один в минуты встреч, другой в часы разлук.

Блаженно спящая покоится зеница,
Но устает, когда бессонницей томится.

Терзайся, если жизнь у гробовой плиты
И мог бы выкупить, да поскупился ты.

Звезда высокая, блуждающим в пустыне
Он путь указывал—и закатился ныне.

Он ближе, чем рука—руке, и навсегда
Останется теперь далеким, как звезда.

Рок, исполняющий жестокие угрозы,
Испепеляющий обещанные розы,

Какой обновы ты не превратил в старье?
Кто выжил, испытав нашествие твое?

Ты гордого орла хватаешь выше тучи,
Ты дикого козла свергаешь с горной кручи.

И благородному и подлому — свой срок,
Но смоет их равно могучий твой поток.

От знаний пользы нет, ум — тягостное бремя,
Неразумение доходней в наше время,

И опыт жизненный к спасенью от невзгод
В уединение разумного зовет.

Но как язычники кумирам рукотворным,
Так сердце молится своим страстям тлетворным.

Приучен к бедствиям течением времен,
Я радуюсь цепям, которым обречен.

Когда бы стоимость себе мы знали сами,
Не похвалялся бы хозяин пред рабами.

Мы — деньги мелкие, мы — жалкая казна,
Нас тратят, как хотят, дурные времена.

Вчерашний день еще совсем недавно прожит,
Но выкормыш земли вернуть его не может.

Младенцу малому при тождестве могил
Уподобляется мудрец в расцвете сил.

И все равно теперь лежащему в могиле —
Под брань иль похвалы его похоронили.

Когда приходит смерть, равно бессилен тот,
Кто одинок, и тот, кто воинство ведет.

Потомка своего иль пращура хороним,
Равно мы слезы льем, печалимся и стонем.

Зачем же у детей, рождая их на свет,
Мы отымаем то, чего добился дед?

К почету следует идти дорогой правой,
А мы наследственной довольствуемся славой.

Когда б врожденных свойств лишился человек,
Богач в ничтожестве влачил бы жалкий век.

По маю месяцу скорбит душа людская,
А нужен ей не май, а только розы мая.

Мы просим господу с небес, как благодать,
Жизнь долголетнюю любимым ниспослать.

Нам сердце веселят влачащиеся годы,
Хоть и сулят они обиды и невзгоды.

Кто человеку враг? Его душа и плоть.
От воинов твоих избави нас, господь!

Беда влюбленному от собственного пыла,
Мечу булатному — от верного точила.

Те, что румянец щек от ласки берегли,
Покорно падают в объятия земли

И терпят гнет ее, а мы и не успели
Забыть их жалобу на тяжесть ожерелий.

О, если б жаждущий, склоняясь над ключом,
Заране видел смерть, змеящуюся в нем!

Храбрец, чьей волею дорогами погони
Стремилась красные и вороные кони,

Муж, океан войны в испытанном седле
Пересекавший вплавь на горестной земле,

Муж, для которого был как удар в лицо
Удар, чуть тронувший его брони кольцо,

Могучий муж — в бою, и нет врага в округе,
Способного копьем достичь его кольчуги.

Удары сыплются, растет их быстрый счет:
Так счетчик-фокусник число к числу кладет.

В один кратчайший миг, а может быть, быстрее —
Он войско повернул десницею своею.

Но тут коварный рок спешит врагам помочь
И день блистательный преображает в ночь.

О брат погибшего под бурный гул сраженья!
Пять сыновей его — порука утешенья.

Беда пришла к тебе терпенье вымогать;
Не отдавай его, оно тебе под стать.

На бога уповай, затем что он, единый,
Источник истинный отрады и кручины.

От смерти не уйдут и превратятся в прах
Копье в чехле своем и меч в своих ножнах.

Кто и мечтать не мог при жизни о покое,
Вкушает под землей забвение благое.

И как находит лев жилье в лесу густом,
Так солнце истины да внидет в каждый дом.

* * *

Зачем надежд моих высокий свет погас
И непроглядный мрак не покидает глаз?

Быть может, позабыв, что людям сострадали,
Вы, люди, вспомните слова моей печали.

Ночь в траурном плаще, настигшая меня,
По красоте своей равна рассвету дня.

Пока вы рыщете по тропам вожделенья,
Полярная звезда стоит в недоуменье.

Воздать бы нам хвалу минувшим временам,
Но времена свои хулить отрадней нам.

Я пел, когда луна была еще дитятей
И тьма еще моих не слышала проклятий:

«О негритянка-ночь, невеста в жемчугах!»
И сон от глаз моих умчался второпях,

Как, потревоженный призывною трубою,
От сердца робкого покой в начале боя.

А месяц блещущий в Плеяды был влюблен,
Прощаясь, обнял их и удалился он.

Звезда Полярная с другой звездой в соседстве
Зажглась. И мне — друзья: «Мы тонем в бездне бедствий,

И эти две звезды потонут в море тьмы,
До нас им дела нет, и не спасемся мы».

Канопус рдел, горя, как девушка земная,
И сердце юноши напоминал, мерцая.

И одинок он был, как витязь в грозный час
Один среди врагов, и вспыхивал, как глаз

Забывшего себя во гневе человека—
Пылающий раек и пляшущее веко.

Склонясь над раненым, стояли в небесах
Дрожащий Сириус и Близнецы в слезах,

А ноги витязя скользили на дороге,
И далее не мог спешить храбрец безногий.

Но стала ночь сидеть, предвидя час разлук,
И седину ее шафран подернул вдруг,

И ранняя заря клинок метнула в Лиру,
И та прощальный звон, клонясь, послала миру.

* * *

И заняли они мой дом, а я ушел оттуда,
Они глазами хлопали, а я хлестал верблюда,

Я и не думал их дразнить, но эти забияки
У дома лаяли всю ночь, как на луну собаки.

* * *

Горделивые души склонились к ногам
Беспощадных времен, угрожающих нам.

Даже капля единая слезного яда
Опьяняет сильнее, чем сок винограда.

О душа моя, жизни твоей не губя,
Смерть не тронула крыльями только тебя.

Поражают врага и копьем тростниковым.
Сердце кровоточит, уязвленное словом.

Подгоняя своих жеребят, облака
Шли на копыта трепещущего тростника,

Или то негритьянки ходили кругами,
Потрясая под гром золотыми жезлами?

Если кто-нибудь зло на меня затаит,
Я, провидя коварство, уйду от обид,

Потому что мои аваджийские кони
И верблюды мои не боятся погони.

* * *

Жизнью клянусь: мне уехавшие завещали
Незаходящие звезды великой печали.

И говорил я, пока эта ночь продолжалась:
«Где седина долгожданного дня задержалась?

Разве подрезаны крылья у звезд, что когда-то
Так торопились на запад по зову заката?»

* * *

Приветствуй становище ради его обитателей,
Рыдай из-за девы, а камни оплакивать — кстати ли?

Красавицу Хинд испугала моя седина,
Она, убегая, сказала мне так: «Я — луна;

Уже на висках твоих утро забрезжило белое,
А белое утро луну прогоняет несмелую».

Но ты не луна, возвратись, а не то я умру,
Ты — солнце, а солнце восходит всегда поутру!

* * *

О туча, ты любишь Зейнаб? Так постой,
Прopleйся дождем, я заплачу с тобой.

Зейнаб, от меня ты проходишь вдали,
Ресницы, как тучи, клоня до земли,

Ты — праздник шатра, если ты под шатром,
Кочевника свет, если едешь верхом.

Звезда Скорпиона в груди у меня.
Полярной звездой среди белого дня

Стою, беспощадным копьем пригвожден,
Твоими глазами в бою побежден.

Я в помыслах тайных целую тебя,
Души несвершенным грехом не губя;

Никто не сулит воздаяния мне,
За мной не следит соглядатай во сне;

Во сне снарядил я в дорогу посла,
С дороги он сбился, но весть мне была:

«В походе откроется счастье глазам.
Верблюдом ударь по зыбучим пескам,

Хоть месяц — что коготь, хоть полночь — что лев,
На сумрак ночной напади, осмелев!»

Пустыня раскинулась передо мной,
Волнуясь, как море, заросшее в зной.

И в полдень очнувшийся хамелеон
Взошел на минбар; был зайкою он,

И речь не слетала с его языка,
Пока он не слышал подсказки сверчка.

Устал мой верблюд джадилильский в пути,
Не мог я людей ат-гандуба найти.

* * *

Я множество дорог оставил за спиною,
И плачут многие, разлучены со мною.

Судьба гнала меня из края в край вселенной,
Но братьев чистоты любил я неизменно.

Друзьями стали мне года разлук с друзьями.
О расставания, когда расстанусь с вами?

* * *

Восковая свеча золотого отлива
Пред лицом огорчений, как я, терпелива.

Долго будет она улыбаться тебе,
Хоть она умирает, покорна судьбе.

И без слов говорит она: «Люди, не верьте,
Что я плачу от страха в предвиденье смерти.

Разве так иногда не бывает у вас,
Что покатятся слезы от смеха из глаз?»

* * *

Я получил письмо, где каждой строчки вязь
Жемчужной ниткою среди других вылась.

«Рука писавшего,—промолвил я,—как туча:
То радость, то беду она сулит, могуча.

Как письменами лист украсила она,
Когда ее дожди смывают письмена?»

«Повелевающий высотами земными,—
Так отвечали мне,—как хочет правит ими».

Величье подвига великих не страшит.
Из доброты своей извлек Абу-ль-Вахид

Счастливый белый день, и черной ночи строки
Легко украсили простор его широкий.

* * *

Скажи мне, за что ты не любишь моей седины,
Постой, оглянись, я за нею не знаю вины.

Быть может, за то, что она — как свечение дня,
Как жемчуг в устах? Почему ты бежишь от меня?

Скажи мне: достоинство юности разве не в том,
Что мы красотой и приятностью внешней зовем,—

В ее вероломстве, ошибках, кудрях, что черны,
Как черная участь разумной моей седины?

КОЛЬЧУГИ

1

Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя
Тверда и подобна застывшему срезу ручья.

Кошель за седлом, где в походе хранится она,—
Как чаша, которая влаги прохладной полна.

Расщедрится кесарь и князю пошлет ее в дар.
Владельцу ее смертоносный не страшен удар.

Он сердцем влечется к струящимся кольцам ее
И пить не желает: ее красота — как питье.

Меня заставляет расстаться с кольчугой моей
Желанье одаривать хлебом голодных людей.

2

Она и в знойный день была как сад тенистый,
Который Сириус поит водою чистой.

Я приоткрыл суму с кольчугою моей,
Что всадника в седле на перст один длинней.

Увидела она кольчугу и сначала
Сережки из ушей и золото бросала,

Потом запястья мне и кольца принесла.
Кольчуга все-таки дороже мне была.

Отец твой мне сулил своих верблюдов стадо
И лучшего коня, но я сказал: не надо.

Мужчине продал бы — и то кольчуге срам.
Неужто женщине теперь ее продам?

Хотела опить вином темно-багряным,
Чтоб легче было ей кольчугу взять обманом.

Я не пригубил бы и чаши тех времен,
Когда своей лозой гордился Вавилон.

Ресницы подыми, весна уже в начале,
И голуби весны окрест заворковали.

Мне самому еще кольчуга по плечу,
Когда я пастухам на выручку лечу.

Сулейму бедную одна томит остуда,
Что ни жиринки нет в горбу ее верблюда.

Забудь о нем и взор на мне останови:
Я вяну, как побег. Я гибну от любви.

Она пугливее и осторожней лани,
Убежище ее — в тенистой аладжане.

Когда от Йемена к нам облака идут,
Найдет обильный корм на пастбище верблюд.

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ НЕОБЯЗАТЕЛЬНОГО

* * *

Человек благородный везде отщепенец
Для своих соплеменников и соплеменниц,—

Он вином темно-красным их не угощает
И неопытных девственниц не обольщает.

Наилучшая доля на свете— смирение:
Даже хлеб наш несытный— благое даренье.

Рассыпается пеплом сгоревшая младость,
И чертоги средь звезд человеку не в радость.

На любовь я отвечу любовью по чести,
Буду льстить, и любовь ослабеет от лести.

Завершается детство к пятнадцатилетию,
К сорока увлечения не кажутся сетью.

Ты навряд ли доволен одеждой простою,
Но глупцом прослылешь без абая зимою.

Возрастает на этой земле каменистой
Защищенный шипами терновник душистый.

Нет еще окончанья Адамову роду,
Но женитьбой свою не связал я свободу.

Амр зевает, и Халид зевнул большеротый,
Но меня миновала зараза зевоты.

Крылья знаний меня от людей отлучили,
Я увидел, что люди — подобие пыли.

Опален мой камыш и подернут золою,
И теперь я бессилен исправить былое.

Пред судьбою склоняется лев, не противясь,
Держит страх куропатку степную, как привязь.

Радва и не заметила воинств на склонах,
А Кубба захлебнулась в походных знаменах.

Преступление свершает отец, порождая —
Все равно — мудреца иль правителя края;

Чем твой сын даровитей, тем выше преграда
Между вами, тем больше в душе его яда:

Тьмы загадок на сына обрушил ты разом,
Над которыми тщетно терзается разум.

Днем и ночью писателей алчная стая
Завывает, к обману людей призывая.

Смерть таится средь скал и в долинах просторных
И на поиски жертв посылает дозорных.

Лев дрожит, если близко мечи зазвенели.
Как судьбы не страшиться пугливой газели?

* * *

Молюсь молитвой лицемера, прости, мой боже!
Но лицемерие и вера — одно и то же.

Порою человек бывает приятен с виду,
А слово молвив, заставляет глотать обиду.

Твердить без веры божье имя и лгать о боге —
Нам с лицемерами такими не по дороге.

* * *

Побольше скромности! Я людям не судья.
Не покриви душой—себя судил бы я.

Когда нам, господи, забвенье ниспошлют
И мы в земле найдем последний свой приют?

Но не спешит душа из-под недвижных век:
Вплоть до истления страдает человек.

* * *

За ночью день идет, и ночь сменяет день,
Густеет злой судьбы губительная тень.

В могилах без числа починут хаджарийцы
И Йемена цари — святые и убийцы.

Былым правителям давно потерян счет,
А вот Египет — цел, и Аль-Ахса живет.

Будь проклята, земля! Пред нами ты в ответе.
Исчадя подлости подлее всех на свете.

О горе, мать-земля! Понистине сама
Ты наставляла нас, и лгут, что ты нема.

На что нам Сахр ибн Амр, иссохший, как Сахара?
Быть может, Аль-Ханса блуждает ланью старой.

Твой океан кипит. Плывущих по волнам
Терзает сто страстей. Куда причалить нам?

И если ты, земля, когда-нибудь любила,
То в гневе своего избранника губила.

Бьет ненависть в чело и валит с ног живых,
И дикость кровь струит из вен отверстых их.

Да не смутит тебя ни вид их величавый,
Ни власть мгновенная, ни блеск их дутой славы!

Не много радостей извели они,
И не по воле их пришли дурные дни.

* * *

Когда присмотришься к живущим на земле —
Что человек, то нрав. Но все равны во зле.

И если на меня похожи дети Евы,
То что вы стоите? Да пропадите все вы!

Как бейт с неправильным по метрике стихом,
Как вздор, написанный неграмотным писцом,

Так ваша близость мне под жалкой вашей сенью.
Пора недужный дух предать уединенью.

Хоть до Лива ар-Рамль ты, странник, не дошел,
Довольно, отойди! Засох древесный ствол,

И на висках твоих в напоминанье света
Белеет старости печальная примета,

И веки у тебя слезятся потому,
Что жаль последних звезд, чуть брезжащих сквозь тьму.

* * *

Отдай верблюда людям по правилу мейсира,
Молчи: твои созвучья — что звук пустой для мира.

Огню подобна юность; гляди же, чтоб недаром
За днями дни сгорели, воспользуйся их жаром.

Мой уголь гасит стужа и проникает в кости,
А я огонь раздую, скажу: «Погрейтесь, гости!»

Мой поздний собеседник, сдружившийся со мною,
Последний жар засыпал остывшею золою.

* * *

От взора свет бежит. Сиянье меркнет. Вера —
Вооружение лжеца и лицемера.

Ужель прольется дождь небесных благ для тех,
Кто забывает стыд среди земных утех?

О лживый мир! А мы не знали, что в мечети
Безгрешны все подряд, как маленькие дети!

О жалкая земля, обитель горя, плачь!
Тебя хулил бедняк и посрамлял богач.

О вы, обман и ложь призывавшие в подмогу!
Поистине, из вас никто не близок богу.

Когда бы по делам господь судил людей,
Не мог бы избежать возмездия злодей.

А сколько на земле мы видели пророков,
Пытавшихся спасти людей от их пороков,

И все они ушли, а наши беды — здесь,
И ваш недужный дух не исцелен поднесь,

Так предопределил господь во дни творенья
Созданиям рук своих, лишенным разуменья.

* * *

Восславим Аллаха, кормильца земли!
Отвага и стыд от людей отошли.

Для щедрого сердца в смертельной болезни
Могильный покой всех бальзамов полезней.

Опеку возьму я над опекуном —
Душой, обитающей в теле моем.

И денно и нощно в толпе правоверных
Искал я молящихся нелицемерных.

Нашел я, что это бессмысленный скот,
Который вслепую по жизни бредет.

А кто половчей, тот с повадкой пророка
В гордыне великой вознесся высоко.

Посмотришь, одни — простецы и глупцы,
Другие — обманщики и хитрецы.

Безропотность за благочестье сочли вы?
Тогда и ослы ваши благочестивы,

Чесоточные, под ветрами степей,
Они, безглагольные, вас не глупей.

Мы нищие души: то рвань, то заплаты...
Но всех на поверку беднее богатый.

Мы смерть ненавидим и в жизнь влюблены,
А радостью любящих обойдены.

При жизни мы верных друзей не встречали,
По смерти мы внемлем притворной печали.

Познало бы солнце, что блещет впотьмах,
Жалело бы о расточенных лучах.

* * *

Мне улыбаются мои враги, пока
Их стрелы сердце мне язвят исподтишка.

Я избегаю их, и нам не будет встречи:
Мы — буквы «за» и «заль» в словах арабской речи.

* * *

Я горевал, когда под оболочкой дня
Все больше голова белела у меня.

Но чернота волос... быть может, это грязь?
И зубы чистые блестят, как день, светясь.

Мы любим эту жизнь, подобную любви
Тем, что сердца у нас и от нее в крови.

Стенает человек: «Продлись!» А жизнь — в ответ:
«Ни часа лишнего! Теперь на мне запрет».

Когда же кончится безвременье разлук
И встретит жизнь свою ее влюбленный друг?

Не раз твой верный щит спасал тебя от стрел.
Смирись и брось его, когда твой час прispел.

Я не похож на тех, кто, чуя смерти сеть,
Твердит, что все равно — жить или умереть.

Молитву совершать приходится, когда
Для омовения принесена вода.

Решимости былой тебя лишает ночь.
Друзья-созвездия спешат тебе помочь.

О верные друзья моих незрячих глаз,
Ведите и меня встречать последний час!

Нет горше ничего, чем жизни маета.
А горек твой глоток, так выплюнь изо рта.

* * *

Что со мною стряслось? Я сношу терпеливо беду,
Бейтам Рубы под стать, перемены судьбы я не жду.

Стал я точным подобием слабого звука в глаголе.
Над врачами смеются мои застарелые боли.

Жизнь моя затянулась, пора мне домой из гостей,
Мать-пустыня взыскует моих долгожданных костей.

Разве я из-за пьянства дойти не могу до постели?
От ночных переходов колени мои ослабели.

Надоела мне жизнь, истомил мою душу народ,
Чей правитель нещедрый лишил его добрых забот.

Говорят, что правитель — народу слуга и защита,
А у нас попечение о благе народа забыто.

Убедился я в том, что не вдосталь еды у людей,
Что подлейших из подлых писатели наши подлей.

То и дело хадисы твердят наизусть грамотей,
А богатство их сделало крыс ненасытных жаднее.

Преступи хоть на палец предел установленных прав,
Отвернется твой друг, отщепенцем тебя обзовав.

Так размеренный стих, измени в нем единое слово,
Даже букву одну, — от себя отвращает любого.

Спящий сном любовался, а жизнь безвозвратно прошла.
Чем же сон одарил его, кроме убытка и зла?

Славь деянья создавшего землю тебе на потребу,
Над которой созвездия пламень проносят по небу!

Знает зависть и конь, на чужую косится судьбу
И завидует тем, что со звездочкой белой во лбу.

Жизнь — как женщина в дни очищенья: желанна,
Да помочь нам не может. Но жизнь такова постоянно.

Не пресытившись ею, от жизни уходит богач;
Бедный тоже уснет и не вспомнит своих неудач.

Спорят, ссорятся жизнелюбивые законоведы,
Ищет мудрость их мнимая славы и легкой победы.

Я пристрастие к жизни хотел бы себе запретить,
Но лица не могу, не могу от нее отвратить.

* * *

Ученых больше нет, и мрак объемлет нас,
А человек простой в невежестве погряз,

Приметных некогда, как вороные кони,
Наставников лишась в годину беззаконий.

И жены и мужи, мы все до одного —
Рабы ничтожные для бога своего.

Ему подвластно все: и месяц, и Плеяды,
И полная луна, и горные громады,

Звезда Полярная, созвездье Льва, заря,
И солнце, и костер, и суша, и моря.

Скажи: «Велик господь, руководитель света!» —
Тебя и праведник не упрекнет за это.

О брат, недолго мне терпеть земную боль.
У неба испросить прощенья мне дозволь!

Ты скажешь: праведность. Но это только слово, —
Есть лица, имена — и ничего иного.

Хадисы вымыслил обманщик в старину,
Чтоб ради выгоды умы держать в плену.

Взгляни на сонмы звезд. По мне, узоры эти —
Судьбою над людьми раскинутые сети.

Дивлюсь: невыносим судьбы железный гнет,
Один ее удар сильнейшим спину гнет,

А людям невдомек, что смерть играет ими,
Когда горбы могил встают над их родными.

Неправда на земле царит с начала дней
И в ярости казнит мудрейших из людей.

От смерти, Асами, бежать не стоит в горы:
Неперекаемы у смерти приговоры.

Четыре составных слились в живую плоть,
Одна стремится часть другие побороть;

Здорова плоть, когда в ладу они друг с другом,
А несогласье их предшествует недугам.

Наш век и нем и груб; напрасно хочешь ты
Понять невнятные сужденья немоты.

Жизнь — полосы ночей, сменяющихся днями:
Змея двухцветная, ползущая за нами.

Пред смертью мы в долгу; в определенный час
Займодавица всегда находит нас.

Из чистого ключа спешит напиться каждый
С тех пор, как в бны дни погиб Кааб от жажды.

И лилии садов, и мирные стада,
И стаи хищные равно поит вода.

Когда бы дел своих последствия мы знали,
Как воду, кровь тогда мы лили бы едва ли.

Кто сострадателен от первых лет своих,
Тот сострадания достойней остальных.

Мы правды не хотим и гневно хмурим брови,
Когда нам говорят, что грех у нас в основе.

Адам, я вижу твой поросший шерстью лоб
И Еву из числа пятнистых антилоп.

Мы — пища времени. Никто в заботах света
Не плачет над конем разбойного поэта.

Мир в замешательстве, как зверь в морских волнах,
Как птица в грозовых кипящих облаках.

Душистый аль-бахар, питомец мирной лени,
Шипами защищен от наших покушений.

Жизнь — быстролетный миг, и мало пользы в том,
Что колют нас копьем и рубят нас мечом.

В ком сердце черное, тот черен сам и слуха
Лишен, тогда как я — всеслышащее ухо.

Ты выпустил стрелу, попала в цель стрела,
Зато душа твоя до цели не дошла.

Рок благородного ввергает в море бедствий.
Амр матери своей лишился в раннем детстве.

Главою крепости был Самуил-поэт,
Она еще стоит, а Самуила нет.

На собеседника Плеяда перст уставит,
И смерть ваш разговор прервать его заставит.

Персты шести Плеяд, причастных небесам,
О силе божией свидетельствуют нам.

Разумный человек — безумного подобье,
Все беды для него судьба готовит в злобе.

В могиле мать и дочь. Коса расплетена,
Коса заплетена... Но смерти смерть равна.

Видения весны крошечной белизною
И дикой чернотой подменит время зноя.

Пересекающий безводные края,
Ведущий к смерти путь возненавидел я.

Окрест ни шороха, ни дружественной речи.
Мой путь — двуострый меч, всегда готовый к сече.

Зачем же благ земных не делит с бедным тот,
Кто вдоволь ест и пьет и в роскоши живет?

* * *

Живу я надеждой на лучшие дни.
Надежда советует: «Повремени!»

Душа моя тешится горьким вином,
Доколе мне смерть не прикажет: «Идем!»

* * *

Добивается благ только тот, кто привык
И в горячке держать за зубами язык.

Обернется грехом торопливая речь,
А молчанью дано от греха уберечь.

Если низкий вознесся превыше горы,
То высокий — посмешище смутной поры.

Ты, что хочешь бежать от невзгод, не спеши!
Что ни дом — ни одной беспечальной души.

Нет под кровлями необесчещенных жен,
Сын Адама багряным вином опьянен.

Скоро в нищей одежде правитель страны
Снидет в царство, где нет ни дворца, ни казны.

* * *

Дочерей обучайте шитью да тканью, а письму
Или чтению внятному их обучать ни к чему.

Сила женских молитв — добродетель и память добра,
А Коран не для них: что им Юнус и что Бараа?

Ты певиц из-за полога слышишь, и видит твой взор,
Как бездушную ткань сотрясает и морщит позор.

* * *

Уединись! Одинок твой создатель поистине.
В дружбе царей не ищи утешительной пристани!

Ищет приятелей бедность, но если их нет,
Юноше легче уйти от пороков и бед.

Чтоб вам пропасть, дни глухие и ночи кремешные,
Род мой ничтожный, мужчины и женщины грешные!

О, умереть бы младенцу в пеленках, пока
Он из сосцов роженицы не пил молока!

Вот он — живет и клянет ее без языка еще:
«Много вреда я еще принесу ей, страдающей!»

* * *

Когда в науке нет ни сердцу обороны,
Ни помощи уму—пускай умрет ученый!

Судьбы не изменить: ее судил Аллах,
И мудрость мудрецов развеялась, как прах.

Не может человек бежать велений бога,
От неба и земли отвлечься хоть немного.

По торному пути покорным чередом—
Потомки умерших—мы к пращурам идем.

Давно я не дивлюсь тому, что пресыщенье
И муки голода—в противоположение.

Стреляю, но врага щадит моя стрела,
Зато стрела судьбы мне прямо в грудь вошла.

В побеге лиственном сокрыта кость людская,
И кровь от корня вверх течет, не иссякая.

Зло не смыкает глаз и головы сечет,
Как предугадывал разумный звездочет.

Растратив золото на щедрые даянья,
Великодушие лишается признанья.

Жизнь порождает страх, и люди как во сне
Летят во весь опор у страха на спине.

Проснитесь наконец, обманутые дети!
Вы слепо верите лжецам былых столетий.

Корыстолюбие, не знавшее препон,
В могилу их свело, и умер их закон.

Они твердили вам, что близок день последний,
Что свет кончается,— но это были бредни,

Но это ложь была! Не слушайте речей
Извечной алчностью палимых главарей!

И ближний, как чужак, порой наносит рану.
Благоразумие да будет вам в охрану.

Я сердце оградил от радостей земных,
Когда увидел смерть в числе врагов своих.

* * *

О земные цари! Вы мечтаете смерть обмануть,
Но единым злодейством означили жизненный путь.

Что же истинной доблести вы не спешили навстречу?
Даже баловень женский порой устремляется в сечу.

Люди верят, что будет наставник ниспослан судьбой,
Чья высокая речь зазвучит над безмолвной толпой.

Не томись в ожиданье, надежду оставь, земножитель!
Для тебя твой рассудок — единственный руководитель.

Он во благо тебе, чти его справедливый устав
И в скитаньях своих, и на якорь у пристани став.

Это множество сект для того существует на свете,
Чтоб царей и рабов завлекать в хитроумные сети.

Люди чашами пьют наслаждений губительных яд,
Ни смиренницы юной, ни гордой жены не щадят,

Как восстания зинджей жестокий главарь или злобный
Вождь карматский... Поистине, все на земле им подобны.

Удались от людей, только правду одну говорящий,
Ибо правда твоя для внимающих желчи не слаще.

* * *

Ни на один приказ, ни на один совет
Мне от моей души в ответ ни слова нет.

В ошибках каяться? Но поглядите сами:
Числом они равны песчинкам под стопами.

Существование не стоит мне забот.
Не все ли мне равно, кто хлеба принесет

И кто мне уделит от своего запаса —
Плеяды, Сириус иль звезды Волопаса?

* * *

О сердце, горсть воды, о сердце наше, где
Причуды мечутся, как пузырьки в воде!

Что изменяет их, и что там колобродит,
И что Асму и Хинд в минувшее уводит?

Словарь — что человек: в нем и добро и зло.
В составе нашем все, что мрачно и светло.

Мы будем времени служить питьем и пищей,
Доколе в богача не превратится нищий.

Как сокол — кроликов, лишенный прежних сил,
В несчастье Кайс врагов о милости просил.

По мне к достойнейшим такой не сопричтется:
Душе пристало пить из чистого колодца.

* * *

В Египте — мор, но нет на свете края,
Где человек живет, не умирая.

Рассудок наш у смерти на виду
Пытается предотвратить беду.

Какой араб, иль перс, иль грек лукавый
В расцвете сил, величия и славы —

Пророк иль царь — остался невредим,
Когда судьба открылась перед ним?

Закон стрелы: лететь быстрее, чем птица,
Щадить стрелка и крови не страшиться.

Своей спиной, как пленные рабы,
Мы чувствуем следящий взор судьбы.

* * *

Разумные создания бессмертного творца
Идут путем страдания до смертного конца,

И смертным смерть вручает подарок дорогой:
Наследникам — наследство, покойнику — покой.

* * *

Говорящим: «Побойся всезрящего бога!» —
Отвечай: «Хорошо, погодите немного!»

Семизвездью, играющему в буккару,
Уподоблю цветы и траву на ветру.

Но никто из живых ни в почете, ни в славе
Уподобиться канувшим в землю не вправе.

Я другим подражаю, стараюсь и я
Приспособиться к путанице бытия.

Многим смысл бытия разъясняет могила,
А меня жизнелюбие опустошило.

Мне, по правде сказать, не опасен сосед,
Я и знать не желаю — он друг мне иль нет,

Потому что моя не красива невеста
И насущный мой хлеб не из лучшего теста.

* * *

Преследователь спит. Мы в темный час идем.
Отважный свой поход мы будем славить днем.

Богатства на земле взыскует человек —
И в чистой кипени надмирных звездных рек.

Вонитель со щитом, жнец со своим серпом,
Чьим хлебом первый сыт, обходят землю днем

И возвращаются под звездами домой —
С убытками один, со славою другой.

И все, кто сеет хлеб, и все, кто ищет клад,
Стригут своих овец и прочь уйти спешат.

Где быть седлу — окно, где быть окну — седло.
Все в жизни у тебя наизуворот пошло.

И время у тебя скользит, как темнота,
Как саранча, когда бледнеет красота

Изглоданной травы... О сирые края!
Из рта верблюжьего так тянется струя

Слюны из-под кольца, когда в глуши степной
Тиранит всадника невыносимый зной.

Ты брата своего всегда судить готов,
А на твоём челе — печать твоих грехов.

Ты вовсе не похож на льва из аш-Шари,
Ты — волк. Тогда молчи и брата не кори.

Жизнь медленно ползет, пока надзора нет;
Посмотришь — нет ее, давно пропал и след.

Повсюду власть свою распространило зло,
Проникло в каждый дол и на горы взошло.

Пусть говорливостью гордится острослов,
Что Мекку восхвалял: «О мать городов!»

«О мать тьмы ночной!» — так он лозу нарек.
Пусть будет молчалив разумный человек.

Стремишься к выгоде, а что находишь ты?
Сам назовешь себя добычей нищеты.

И пусть не лжет злодей, что он аскет прямой!
О, как мне обойти такого стороной?

Когда ты смерть свою увидишь впереди,
Скажи: «Презренная, смелее подходи!»

Скажи: «Убей меня!» Когда она грозит,
Не стоит прятаться за бесполезный щит.

Возвышенных надежд моя душа полна;
Столкнут ее с горы дурные времена.

С престола своего нисходит гордый князь,
Бледнеет плоть его, преображаясь в грязь,

Уходит, бос и наг, и князю не нужны
Ни земли многие, ни золото казны.

Когда приходит гость еще в пыли пустынь,
Встань и приветь его и хлеб к нему придвинь.

Не презирай того, кто беден, слаб и мал,
Такой и льву не раз в несчастье помогал.

Стремятся юноши к походам боевым,
А рассудительность потом приходит к ним.

На смерть мой сон похож, но пробуждаюсь я,
А смерть — всевечный сон вдали от бытия.

И пусть бранят меня, пусть хвалят — все равно,
Раз тело брренное уже погребено.

И все равно теперь истлевшему в земле,
В чем повод к смерти был: в копье или в стреле.

Кто воду из бадьи в степи безлюдной пьет,
А кто с людьми живет и собирает мед.

Есть мед — и хорошо, а меда нет — беда,
Но не тужи, не плачь, не жалуйся тогда.

И мы состарились, как пращурь до нас.
А миг похож на миг, и час похож на час,

И ночь сменяет день, и ясная звезда
Восходит в небесах и тает — как всегда.

* * *

Одно мученье — жизнь, одно мученье — смерть.
Но лучше плоть мою прими, земная твердь!

Пуста моя рука и нёбо пересохло,
Но жадно смотрит глаз и ухо не оглохло.

Глядите: человек выходит со свечой,
Чтоб высоко поднять огонь во тьме ночной.

Ему потребен врач, он тешится надеждой
Насытить голод свой и плоть прикрыть одеждой.

Но тот, кто спит в земле, избавясь от забот,
Ни разорения, ни прибыли не ждет.

Копье, петля и меч ему всю жизнь грозили,
Он покорялся их неодолимой силе,

Но не страшится он в объятиях земли
Ни длинного копья, ни шелковой петли,

Ни острого меча. Лишившемуся тела
До клечек и обид нет никакого дела.

За брань и похвалы, покинув этот свет,
Он благодарен всем. Но мертвым счастья нет!

Пусть завистники своей достигнут цели,
Чтоб смерть у мертвецов отнять не захотели.

Душа-причудница служанку-плоть бранит,
А плоть покорствует и верность ей хранит

И каждый замысел своей хозяйки вздорной
Спешит осуществить исправно и покорно.

Растение плоду все соки отдает,
А человек ножом срезает этот плод.

И кто-то седину закрашивает хною;
Но как же быть ему со сгорбленной спиною?

И кто-то вздор несет, рассудок потеряв,
Пока не схватит смерть безумца за рукав.

Все на одно лицо: исполненный гордыни
Сын знатной женщины и жалкий сын рабыни.

Смерть приготовила напиток для меня
И сохранит его до рокового дня.

Хоть время говорит отчетливо и внятно,
А все же речь его не каждому понятна.

И тлен и золото—у времени в руках.
Где прежде был дворец, там вьется мелкий прах.

Обитель райская открыта человеку,
Зане он совершил паломничество в Мекку!

* * *

Довольствуй ум досужий запасом дум своих,
Не обличай порока, не укоряй других.

Своей бедой не надо судьбе глаза колоть,
Когда преступно сердце и многогрешна плоть.

Хоть привяжись он втайне веревкою к звезде,
От смерти злой обидчик не спрячется нигде.

Разит, как рот девичий, смертельное копье,
Меж ребер клык холодный — и ты в руках ее.

Она и без кольчуги — что дева без прикрас.
Хинд и Зейнаб — вот поле ее войны сейчас.

Верблюд изнемогает и дышит тяжело,
А смерть опять бросает добычу на седло.

Повержен храбрый воин, и кровь, как водомет,
Шипит в глубокой ране и прямо в небо бьет.

Теперь его согбенной не выпрямят спины
Ни конь великолепный, ни трубный клич войны.

* * *

Ты в обиде на жизнь, а какая за нею вина?
Твой обидчик — ты сам. Равнодушно проходит жена,

И у каждого сердце палящей любовью объято,
Но красавица в этом пред встречными не виновата.

Говорят, что — бессмертная — облика ищет душа
И вселяется в плоть, к своему совершенству спеша.

И уходит из плоти... По смерти — счастливым награда
В благодатном раю, а несчастным — страдания ада.

Справедливого слова не слышал питомец земли,
Истязали его, на веревке по жизни влекли.

Если мертвая плоть не лишается всех ощущений,
То, клянусь тебе, сладостна смерть после стольких мучений.

* * *

От мертвых нет вестей, ушли, не кажут глаз,
Но, может быть, они богоугодней нас?

В неотвратимый час душа дрожит от страха.
Но долголетие... уж лучше сразу — плаха.

Все люди на земле сойдут в могильный прах —
И здесь, в родном краю, и там, в чужих краях.

Обречена земля искать питья и пищи;
Вода и хлеб ее — то царь, то жалкий нищий.

Нам солнце — лучший друг, а мы бесстыдно лжем,
Что поделом его бранят и бьют бичом.

Во гневе месяц встал, едва земля заснула;
Но и его копье с налету смерть согнула.

Всевидающий рассвет уже заносит меч,
Чтоб людям головы сносить наотмашь с плеч.

* * *

Подобно мудрецам, и я теперь обрушу
Разгневанную речь на собственную душу.

Из праха плоть пришла и возвратится в прах,
И что мне золото и что стада в степях?

О низости своей толкует жизнь земная
На разных языках и, смертных удивляя,

Разит без промаха своих же сыновей.
Мне, видно, суждено не удивляться ей.

Я жил — и жизнью сыт. Жизнь — курица на блюде,
Но в сытости едой пренебрегают люди.

У жизнелюбия — причина слез во всем:
И в солнечных лучах, и в сумраке ночном.

От вздоха первого в день своего рожденья
Душа торопится ко дню исчезновенья.

Верблюды и быки спешат на водопой
Прямой, проверенной и правильной тропой.

И как путем кривым идти не страшно людям
Под копытами судьбы, нацеленными в грудь им?

Мне опротивел мир и мерзость дел мирских,
Я вырваться хочу из круга дней своих.

Отбрось тяжелый меч и щит свой бесполезный.
Смерть опытней тебя. Она рукой железной

И голову снесет, и в цель стрелу пошлет,
И распылит войска — непрочный твой оплот.

Она взыскует жертв и насыщает щедро
Телами нашими земли немые недра.

* * *

Никогда не завидуй избранникам благополучия. .
Жизнь их тоже смертельна, и все мы зависим от случая.

Чувства тянутся к миру, и страждет душа неразумная.
Есть у времени войско, а поступь у войска — бесшумная.

Если б знала земля о поступках своих обитателей,
Верно, диву далась бы: на что мы свой разум растратили?

Лучше б не было Евы с повадкой ее беспокойною.
Влажность ранней весны превращается в засуху знойную.

О невыгодном выборе ты не жалеешь пока еще,
Но ты сломлен, очищен и ветвью поник увядающей.

Не для мирной молитвы ты прячешься в уединении,
Ты себя устыдил, бежал от стороннего мнения.

Мне — душа: «Я в грязи, я разбита и обезоружена!»
Я — душе: «Примиришь! Эта кара тобою заслужена».

* * *

На свете живешь, к наслаждениям плоти стремясь,
Но то, что приносят тебе наслаждения,— грязь.

Измыслил названия, сушу и воды нарек,
И месяц, и звезды... Но как ты солгал, человек!

Тот взор, что на солнце порочная плоть возвела,
К земле на поверку притянут веревками зла.

* * *

Муж приходит к жене, ибо страсть отягчает его,
Но от этого третье рождается на свет существо.

И пока девять месяцев будут друг друга сменять,
Истомится под бременем тяжким страдалица-мать.

К тем извечным стихиям она возвратится потом,
От которых мы все родословные наши ведем.

* * *

Так далеко зашли мы в невежестве своем,
Что мним себя царями над птицей и зверьем;

Искали наслаждений в любом углу земли,
Того добились только, что разум растрясли;

Соблазны оседлали и, бросив повода,
То вскачь, то рысью мчимся неведомо куда.

Душа могла бы тело беречь от всех потерь,
Покуда земляная не затворилась дверь.

Учи тому и женщин, чье достоянье — честь,
Но будь поосторожней! Всему границы есть.

Прелюбодейка спрячет под платом уголь глаз,
И верная откроет свое лицо подчас.

Дни следуют за днями, а за бедой — беда.
От зла на белом свете не скрыться никуда.

Гостить у нас не любят ни тишь, ни благодать:
Того, что ненавистно, от нас не отогнать.

Порой благоденствие ущерб наносит нам,—
Тогда врагов разумно предпочитать друзьям.

Приди на помощь брату, когда он одинок.
Душе во благо веет и слабый ветерок.

* * *

Сыны Адама с виду хороши,
Но мне по нраву ни одной души,—

Отрекшейся от суеты сует
И алчностью не одержимой—нет.

Я камень всем предпочитаю: тот
Людей не притесняет и не лжет.

* * *

Если в нашем кочевье объявится мудрый ар-раид,
Кто в награду его не приветит и не обласкает?

Он сказал бы: «Вот земли, где колос недугом чреват,
Где в колодцах отравы и влага источников — яд.

Здесь мучительна жизнь. Как ни бились бы вы, все едино,
Вам не будет пощады. Взыскайте иного притина.

Уходите отсюда! Примите разумный совет,
Ибо здесь не бывает ни часа без горя и бед.

Ускоряйте шаги! Путь спасения вам не заказан.
Правду я говорю,— я веревками кривды не связан».

* * *

В обиде я на жизнь иль не в обиде,
Но смерть свою приму я, ненавида.

В ожесточенье ждет моя природа
Ее неотвратимого прихода.

Но я столь грозной силе не перечу
И терпеливо движусь ей навстречу.

Уйду — и все несчастья и тревоги
Останутся на жизненной дороге.

Я — как пастух, покинутый в пустыне,
Забочусь о чесоточной скотине.

Как дикий бык, лишенный прежней мощи,
Ищу губами хоть травинки тощей.

Но вскоре у забвения во власти
Я распадусь на составные части.

Не знаю дня такого, чтобы тело
Помолодело, а не постарело.

И у меня, о дети Евы, тоже
Проходит страх по ежащейся коже.

Непритупленный меч, готовый к бою,
Навис и над моею головою.

Удар меча тяжел, но смерть в постели,
А не в сражение во сто раз тяжеле.

С природой нашей вечное боренье
Приводит разум наш в изнеможение.

Я заклинаю: встань, жилец могилы,
Заговори, мой брат, немой и хилый.

Оповести неопытного брата —
Какими хитростями смерть богата?

Как птичьё стаю сокол бьет с налета,
Так на людей идет ее охота.

Как волк бродячий режет скот в загоне,
Так смерть — людей в юдоли беззаконий.

Ее клеймо — на стае и на стаде,
Она не слышит просьбы о пощаде.

Я думаю, все небо целокупно
У смерти под рукою неподкупной,

Настань их время — звезд не сберегли бы
В своих пределах ни Весы, ни Рыбы.

Все души зрит ее пустое око
Меж точками заката и востока.

Подарком не приветив человека,
Смерть входит в дом араба или грека.

И, радуясь, не отвращает лика
От смертной плоти цвета сердолика.

Она—любовь. У любящих в природе
Пренебрежение к прежней их свободе.

Ушедших не тревожит посетитель:
Удалена от мира их обитель.

И я гордился черными кудрями,
Как вольный ворон черными крылами.

Но жизнь прошла, и старость поразилась:
Как в молоко смола преобразилась?

Бурдюк с водой—и ничего иного
Нет у меня для странствия ночного.

* * *

Рассудок запрещает греховные поступки,
Но к ним влечет природа и требует уступки.

В беде житейский опыт не может нам помочь:
Мы доверяем кривде, а правду гоним прочь.

* * *

Я мог на горе им увлечь их за собою
Дорогой истины иль близкой к ней тропюю.

Мне надоел мой век, я веку надоел.
Глазами опыта я вижу свой удел.

Когда придет мой час, мне сам собою с плеч
Седую голову снесет индийский меч.

Жизнь — верховой верблюд; мы держимся в седле,
Пока воровка-смерть не спрячет нас в земле.

Аль-мутака́рибу подобен этот мир,
И на волне его я одинок и сир.

Беги, утратив цель! С детьми Адама связь
Наотмашь отруби, живи, уединясь!

Сражайся иль мирись, как хочешь. Друг войны
И мирной жизни друг поистине равны.

* * *

Лучше не начинайте болтать о душе наобум,
А начав, не пытайте о ней мой беспомощный ум.

Вот прощенья взыскав, человек многогрешный и слабый
Носит крест на груди иль целует устои Каабы.

Разве скину я в Мекке невежества душный покров
Средь паломников многих из разноязыких краев?

Разве чаша познания для уст пересохших найдется
У паломников йеменских, не отыскавших колодца?

Их пристанища я покидаю, смиренен и тих,
Чести их не задев, не унизив достоинства их.

Молока не испив, ухожу, и погонщикам стада
Слова я не скажу, будто мне молока и не надо,

И в могиле меня обоймет утешительный плен,
Не разбудит в ночи завывание псов и гиен.

Тьмы рабов у тебя, ты несметных богатств обладатель,
Но не рабской неволей ты столь возвеличен, Создатель!

* * *

О племя писателей! Мир обольщает ваш слух
Напевом соблазнов, подобным жужжанию мух.

Кто ваши поэты, как не обитатели мглы,—
Рысучие волки, чья пища — хвалы и хулы.

Они вредоносней захватчиков, сеющих страх,
Как жадные крысы, они вороваты в стихах.

Ну что же, примите мои восхваленья как дань:
В них каждое слово похоже на резкую брань.

Цветущие годы утратил я в вашем кругу
И дней моей старости с вами делить не могу.

Уже я простился с невежеством ранним своим,
И хватит мне петь племена ар-рабаб и тамим.

* * *

Сколько было на свете красавиц, подобных Плеядам,
А песок и для них обернулся последним нарядом.

Горделива была, отворачивалась от зеркал,
Но смотреть на нее—другу я бы совета не дал.

* * *

Поистине, восторг — души моей природа,
Я лгу, а ложь душе — напиток слаще меда.

Есть у меня господь, и, если в ад сойду,
Он дьяволу меня терзать не даст в аду

И жить мне повелит в таких пределах рая,
Где сладкая вода течет, не убывая.

Тогда помои пить не мне в аду на дне,
Смолу на темя лить никто не будет мне.

* * *

Мы на неправде сошлись и расстались, и вот — на прощание
Понял я нрав человека: его драгоценность — молчание.

Лжет называющий сына: «Живущий». Зато никогда еще
Не был правдивее тот, кто ребенка назвал «Умиравший».

* * *

Мы сетуем с утра и жизнь спешим проклясть:
Разуверением чревата наша страсть.

Для каждого из нас у жизни есть в запасе
Обиды, бедствия и горечь в каждом часе.

Двух царств поборники сошли во прах, и вот
Нет больше этих царств. Нам только смерть не лжет.

Развей мирскую жизнь иль на нее не сетуй.
Но редко следуют разумному совету.

Во избежание неисчислимых бед
Не торопись бежать красавицам вослед.

А если на тебя призывно поглядели,
Пускай истаёт взор на полпути до цели.

Не взять бы людям в толк, что ты — гроза сердец
И что среди женщин ты — как волк среди овец.

Закроем свой Коран, когда под чтение это
Все громче в памяти звучат заботы света.

Твой голос — вопль самца, зовущего газель,
Откочевавшую за тридевять земель.

Надежней женщины для достиженья славы
Ночной поход, верблюд, булат и подвиг правый.

Четыре качества соединились в нас,
Но смерть расторгнет их, когда настанет час.

Превозносил бы ты, когда бы цену знал им,
Людей, умеющих довольствоваться малым.

Учись и на челе величья различать
Корыстолюбия позорную печать.

Два полчища — надежд и разочарований —
Глумятся над людьми, рубясь на поле брани.

Как быстрых молний блеск — времен поспешный бег,
И только миг живет на свете человек.

Блюсти законы дней ленивым неохота,
И пятницу для них становится суббота.

О, сколько раз мне слал рассвет свои лучи
В тот час, когда в домах не брезжит ни свечи!

Когда же наконец подымется с постели
Тот, у кого глаза от снов остекленели?

Без смысла засухи терзали грудь земли,
А тучи на луга дождей не привели,

Как будто господа ни горлица, ни роза
Не хвалят, как псалмов рифмованная проза.

Того, кто любит жизнь, одни страданья ждут,
Беду к его беде прибавит тяжкий труд.

И разум говорит: не верь надежде ложной,
К началу прошлых дней вернуться невозможно.

А если бодрствовать тебе запрещено,
Вот ложе: спи в земле! Другого не дано.

Мирская жизнь — мираж, и пусть ее обманы
Не выпьют по глотку твой разум богоданный.

За днем приходит ночь: жизнь — пестрая змея,
И жало у нее острее лезвия.

Порывы юности дряхлеют понемногу,
Мы сдержанность берем в дальнейшую дорогу.

Благоразумия спасительная власть
Поможет усмирить бунтующую страсть.

Живые существа от века скорбь тиранит,
Она крылом своим с налету насмерть ранит.

Напиток бытия испробовать спеша,
Захлебывается взалкавшая душа.

Хоть сердце в глубине к посеву не готово,
С наружной стороны взошли побеги слова.

Хоть и сгущается томительная тень,
Порой благую весть приносит новый день.

Касыда иногда рождается от обиды,
И вопль минувших дней звучит в стихах касыды.

Дряхлеет человек, слабеет с жизнью связь,
И смерть удар ему наносит, притаясь.

Потише говори и в раздраженье духа:
Чем громче голос твой, тем тягостней для слуха.

Под власть небытия страшимся мы подпасть,
Но может быть, не столь опасна эта власть?

Любовью к жизни плоть от смерти не спасется:
Жена безлюбая о муже не печется.

Душа в смятении латает жизнь свою;
В заплатах толку нет, могилы на краю.

Безбожным тягостно молитвенное бденье,
Для них — что груз горы, коленопреклоненье.

Несет клеймо греха вершитель черных дел.
Сверкающий добром избрал благой удел.

Где красота страны, что нас очаровала?
А ведь она была уродлива сначала!

Ты пламени хоть раз касался ли рукой?
Пойми, что боль твоя хранит его покой.

Быть может, в темноте меняет суть природа,
И обитает ночь близ солнца в час восхода.

* * *

На волю отпущу, поймав блоху, затем,
Что воля—лучший дар, чем нищему дирхем.

Как чернокожему из Кинда, что в короне,
Так этой черненькой, что на моей ладони,

Мила земная жизнь: и у нее одна
Душа—не более горчичного зерна.

* * *

Вино для них светильники зажгло.
Что им копьё, уздечка и седло!

Они встают с постелей в поздний час.
Вино блестит, как петушиный глаз,

Под кожей пальцев их, как муравьи,
Ползет — и разбегается в крови,

Освобождает разум от забот
И горести нежданные несёт.

Пьют — и судьбы не ведают своей,
Лишившей их дворцов и крепостей.

И благородства первую ступень
Преодолеть не потрудилась лень.

А жизнь моя проходит, как в аду,
И от нее подарков я не жду.

Одна теперь надежда у меня
На господина звездного огня.

* * *

Он юлит и желает успеха во всем.
Было б лучше тебе повстречаться со львом!

Обманули тебя: ничего, кроме зла,
Эта дружба коварная не принесла.

Если ты не бежишь от людей, почему
При тебе ни лисицы, ни волка в дому?

Не теряй головы при нашествии бед.
Ты преступней, чем твой многогрешный сосед;

Ты встаешь на рассвете для мерзостных дел,
Хоть немало в ночи совершить их успел.

Море зла на погибель нам сотворено:
Умирая от жажды, уходишь на дно.

* * *

Я не спугнул ее, но птица улетела,
И я доверился крылам ее всецело.

Мне проповедники разнообразных вер
И толкователи с их бредом — не в пример.

«Плоть — в землю, а душа — куда спешит из плоти?»
У них на свой вопрос ответа не найдете.

Когда наступит срок, хотим иль не хотим,
Душа, полна грехов, пойдет путем своим.

Избрали бы грехи другую оболочку —
Судья простил бы их и нам не ставил в строчку.

* * *

Ты болен разумом и верой. Приди за словом,
И тело снова станет сильным и дух здоровым.

Не убивай того, кто в море нашел жилище,
Четвероногих плоть живую не делай пищей.

Красавиц молоком животных поить не надо:
Чем обворованное вымя утешит чадо?

Не нападай враспloh на птицу, не грабь крылатой:
Насилье — тяжкий грех, который грозит расплатой.

Пчелиного не трогай меда: из дола в долы
За ним к цветам благоуханным летали пчелы

И не затем даянья утра слагали в соты,
Чтоб мы благодарили сборщиц за их щедроты.

Слезамы руки отмываю. Зачем же ране —
До седины — не понимал я своих желаний?

Ты разгадал ли, современник, мой брат случайный,
Оберегаемые мною простые тайны?

О заблудившийся во мраке, подобно тени!
Ты не спешил на светлый голос благих стремлений.

Но проповедник заблуждений пришел — и сразу
Ты предал совесть, покорившись его указу.

Взгляни на собственную веру: в ее пустыне
Увидишь мерзость лицемерья и срам гордыни.

Прозрев, не окропляй булата росой багряной,
Не заставляй врача склоняться над свежей раной.

Пришелся бы и мне по нраву служитель бога,
Когда б из твоего достатка не брал так много.

По правде, тот хвалы достойней, кто ранней ранью
Встает и трудится до ночи за пропитанье.

Не помышлял для благочестья бежать в обитель,
Среди людей, как бедный странник, ходил Спаситель.

Зарой меня, когда почувешь зловонье тлена,
Иль пусть зловонная схоронит меня гиена.

А кто свои страшится кости смешать с костями,
Тот вживе сам — что кость сухая в могильной яме.

Дурной обычай: мы приходим в одежде черной
И с плакальщицами согласно скорбим притворно.

Я накануне рокового переселенья
Врагу и другу отпускаю их прегрешенья.

Твоей хвалы не принимаю: и лучший воин
Похвал моих за подвиг ратный не удостоен.

Моя душа — верблюд надежный в краю песчаном,
Еще по силам ей угнаться за караваном.

Под тяжестью плиты могильной былую силу
Не восстановит щедрый ливень, омыв могилу.

Была б вода живой водою, тогда бы люди
Дрались из-за могил в болотах, молясь о чуде.

* * *

Удивляюсь тому, кто кричит: «Я не пью!» —
И вином угощает подругу свою.

Отхлебнула немного — и навеселе
Вкось да вкривь побежала по ровной земле.

И до этого глупой была, но питье
Совершенно лишило рассудка ее,

Заикалась и прежде она за столом,
А теперь мы ни слова ее не пойдем.

* * *

О, если б, жалкое покинув пепелище,
Беглянку-молодость найти в другом жилище!

Но нечего мне ждать! Уж разве прежней силы
Исполнится Низар и выйдет из могилы...

Исчезла молодость. Не я охрип в разлуке
От слез, и не мои ее хватают руки.

Так свертывает ночь румянец, как рабыни —
Покровы алые на женской половине.

Земная жизнь — война. Мы тягостное бремя
Несем, покуда нас не остановит время.

* * *

Я одинок, и жизнь моя пустынна,
И нет со мной ни ангела, ни джинна.

Сгубило время трепетных газелей,
И лишь места их пастбищ уцелели.

Душе нельзя остаться беспорочной:
Порочна плоть, ее сосуд непрочный.

Кто не избрал подруги в дни расцвета,
Тот одинок и в старческие лета.

Я шел путем смирения и печали,
Я звал людей, но люди опоздали.

* * *

Предвестия судьбы — обманутый судьбой —
Читает звездочет на ощупь, как слепой.

Что за напрасный труд! До смысла этих строк
И написавший их добраться бы не мог.

За Пятикнижием и Книгой христиан
Послом Создателя начертан был Коран.

И вера, говорят, еще одна придет.
Так мы бросаемся к заботам от забот.

Кто веру обновит? Где чистая вода —
Награда за три дня лишений и труда?

Но как бы ни было, никто нас не лишил
Возможности следить за сменой светил.

В явлениях своих все те же ночь и день,
И прежним чередом проходят свет и тень.

Все повторяется: рождение детей
И бегство стариков на волю из сетей.

Клянущий, о злобный мир, обман коварный твой,
Опутавший людей в пучине мировой!

Твержу бессмыслицу, и голос мой — что гром,
А правду говорить придется шепотком...

* * *

Нет на свете греха. Что же мы осуждаем его?
Право, было бы лучше свое упрекать естество.

Вот лоза, вот вино. Если ты от вина опьянел,
Кто виновней из вас: винопийца? вино? винодел?

* * *

На погребальные носилки слепому лечь —
Ногам его не спотыкаться, слезам не течь.

Не странно ли — старик столетний, горбат, как лук,
И слаб, как тень, дрожит на солнце, бредет — и вдруг

Бросается в обход мечети, и напрямик
Через пустыню за подачкой бежит старик.

* * *

Если корень зачах, то скажите: понятно ли вам,
Что листвою никогда не покрыться голодным ветвям?

Если брат восстает против единокровного брата,
Как согласья законов нам требовать от шарията?

Не бранись, увидав, что скупится иная рука:
Может статься, что вымя уже лишено молока.

Обращайся к беспечным, об истине напоминая:
Без поливки развиться не может и зелень земная.

Как, наследники Евы, от вас мне себя уберечь,
Если злобой у вас переполнены сердце и речь?

Не нужны ни кольчуги, ни шлемы, ни дерзкая сила,
Если вправду исполнится то, что судьба вам сулила.

«Час придет,—говорю,—время всадника сбросит с коня».
Я пугаю сердца. Впрочем, кто побоится меня!

* * *

Твори добро без пользы для себя,
В нем благодарность за него любя.

Хоть землю всю обшарь за пядью пядь,
Души благочестивой не сыскать.

Здесь подданным цари внушают страх,
Как ястребы добыче в их когтях.

Царь у одних достойный, у других
Подлее в притязаниях своих.

Наш обобрал до нитки свой народ,
И слезный дождь из глаз людских идет,

Не размягчая каменных сердец
Придворных, переполнивших дворец,—

Грабителей мечетей и шатров,
Которым гнет—веселье и покров.

* * *

Он взял себе жену и трех в подмогу ей,
«Довольствуйся одной из мужних четвертей»,—

Так первой он сказал. Но та нашла замену,
И муж побил ее камнями за измену.

Наследования неясственный закон
И при двубрачии не будет соблюден.

Ты ослабел умом и стал игрушкой сплетни,
Как семилетний—ты, семидесятилетний!

И ты несправедлив и злобой обуян,
И ты, подобно всем, преступник и тиран.

И радуешься ты, что пусто в доме брата,
А у тебя в доме и сытно и богато.

Когда бы жадности ты не был верный раб,
Ты сжег бы свой колчан и лук из древа наб.

* * *

Сердца у вас — кремень, в чертах лица уныние,
Рты перекошены, глаза от злобы синие.

Я сил не собираю, чтоб странствовать отправиться,
Мне, старому слепцу, не светит даль-красавица.

Забрезжил новый день, и разлетелись вóроны,
И голуби стремглав метнулись во все стороны.

И я в дороге был, домой в изнеможении
Принес бесстыдства кладь и груз неразумения.

Да не сочтешь наград за верность беспорочную,
За искренность молитв на сторону восточную!

Земные твари прочь бегут при блеске молнии,
И сводит смерть с ума их души, страха полные.

О птица! О газель! Не бойтесь ни величия,
Ни мудрости людской: меж нами нет различия.

* * *

Зардели сонмы звезд на ясных небесах,
И веры темный плат разорван в ста местах.

Нет царства, коему не угрожают страсти.
Все, что составилось, рассыплется на части.

Вероучения — плоды земных забот
И себялюбия. Кто к этому придет,

Пусть побойтся тот и своего дитяти,
Как высекший огонь бежит его объятий.

Мы — зло. Но не о вас, о люди, говорю:
На секты разные со страхом я смотрю.

Не жди от ближнего ни добрых чувств, ни блага,
Хоть по щекам его бежит смиренья влага.

Но из врагов твоих опасней всех — душа,
Она покинет плоть, изменою греша.

Почившего царя, дарившего улыбки,
Мы за ягненка счесть готовы по ошибке.

О вере не пытай наставников общин:
От каждого из них услышишь вздор один.

Быть может, мнимому дивлюсь я урожаю:
И сад еще не цвел, а я плоды срываю.

Как часто уходил от воздаянья вор
И честная рука ложилась под топор.

Жемчужница сдалась ныряльщику на милость,
А сколько времени на дне морском таилась.

Все время люди лгут, во лжи не видят лжи
И, ложь обосновав, за ложь идут в ножи.

Не стоит спрашивать: «Где ум твой, земножитель,—
Твоих безумных снов напрасный посетитель?»

Еды отведавшим не избежать беды,
Воды возжаждавшим нет в засуху воды.

И черными смотреть иль синими глазами,
Чтоб этот мир понять, кружащийся пред нами?

А вы, келейники... вам снится не игра
В уединении, а золота гора!

* * *

Человек — что луна: чуть свечение достигнет предела,
Начинает истаявать белое лунное тело.

Люди — что урожай: снятый, он возрождается в поле
И, волнуясь, как прежде, сдается жнецу поневоле.

Не на пользу ли нам расточения вечное диво?
Мускус благоуханней, растертый рукой терпеливой.

* * *

Быть может, прав мудрец, и мир не знал времен,
Когда бы не был я в живое воплощен.

То распадаюсь я, то вновь соединяюсь,
То вяну лотосом, то пальмой возрождаюсь.

Хоть скупость — грех большой, но медлю я, скупясь,
Прервать безропотно с самим собою связь.

Мечта богатого — приумножение рода,
А был бы он умней — чурался бы приплода.

* * *

Толкуют, что душа легко и смело
Переселяется из тела в тело.

Не принимай суждений ни о чем,
Когда проверить их нельзя умом.

Что тело? Пальма с гордою главою;
Она — трава и сменится травой.

Ты должен мысль от лишнего беречь:
При полировке тает лучший меч.

* * *

Звезды мрака ночного — живые они или нет?
Может быть, и разумны, и чувствуют собственный свет?

Говорят: «Воздаяние ждет за могилой людей».
Говорят и другое: «Мы сгинем, как злаки полей».

Я же вам говорю: совершайте благие дела,
Не бегите добра, сторонитесь неправды и зла!

Мне воочию видно: пред тем как начать переход,
Покаянные слезы душа истомленная льет.

Наши души заржавели в наших телах, как мечи,
Но вернется их блеск, столь же яркий, как звезды в ночи.

* * *

Вы скажете: «Премудр податель бытия!»
«Вы правы,—я скажу,—согласен с этим я».

Тут вы добавите: «В числе его примет
Не только времени, но и пространства нет».

А я скажу в ответ, что это спор пустой:
Проникнуть в суть его не может ум людской.

* * *

Все тайны проникает всевидящее око.
А наши мысли лживы, сердца полны порока.

Мы образною речью ласкаем свой язык
И знаем, что от правды и этот лжец отвык.

* * *

Если воли свободной преступник лишен,
То его не по праву карает закон.

Вседержитель, когда он руду создавал,
Знал, что эта руда превратится в металл.

Чем убийца коня подковал? Из чего
Меч, румяный от крови, в руках у него?

Ты на пламень сомнений летишь,—не спеши!
Опасайся пожара смятенной души!

* * *

Чему ни учит жизнь — уроки нам не впрок.
Кто попадает в цель? Удачливый стрелок.

С глаголом зло всегда сравниться бы могло:
В прошедшем, в будущем и в настоящем — зло.

Где море щедрости, где скупости гора?
Все перепутала безумная пора.

Землеправителям и баловням судьбы
Оставь усладу их и ешь свои бобы.

Колодезной водой мы радуем уста,
Когда мы пить хотим и чаша не пуста.

Сын благородного Кораном торговал
И с благородством связь на этом оборвал.

И Асим сочинял, и не было того,
Что Кунбуль передал от шейха своего.

Ягнят, без привязи оставленных в горах,
Подстерегает смерть и ослепляет страх.

Кутруббулийского ты требуешь вина,
Хоть и глотком воды напьешься допьяна.

Из четырех — одна попала в цель стрела.
Довольно и того, что первая взяла.

Заговори судьба — она бы над людьми
Смеялась, как в былом Дибиль и ар-Руми.

Я жизнью поклянусь: судьба в душе — поэт,
Но только у нее ни слов, ни слуха нет.

Хоть честный человек в оковах, словно тать,
Никто ума его не властен заковать.

Так в правильный размер закован каждый стих,
Но нет преград в стихах для замыслов моих.

Я не советую завидовать в нужде
Излишеству людей в одежде и еде.

Увянет жизни ветвь, когда придет пора,
И Йазбуль сдвинется, как всякая гора.

О Ева, если бы, людского рода мать,
Ты не могла родить и не могла зачать!

О, если бы ты, Сиф, смирил свой дикий пыл,
Не подошел к жене и нас не породил!

О, если бы в пыли недвижные тела,
Как цвет акации, лежали без числа!

Проснись же, человек, игралище страстей!
Причина мук твоих — горит в крови твоей.

В пшеничном колосе, возникшем из зерна,
Колосьев будущих судьба заключена.

Невежда к нам пришел, исправить нас хотел,
Но с детства темный страх достался нам в удел.

Пусть бедствует старик. Должно быть, жизнь права
И лвята никогда кормить не станут льва.

В земной обители без кровли мы живем;
Невзгоды моросят и рушатся дождем.

И мы обителью случайной дорожим,
Хоть и горюем в ней и без огня дрожим.

Я стар, покрыт корой. Сколь от меня далек
Зеленолиственный и полный сил росток!

* * *

Пойми значение сменяющихся дней.
Чем ты внимательней, тем речи их слышней.

Все, что случается, поистине похоже
На то, что видел мир, когда он был моложе.

* * *

Умы покрылись ржавчиной порока и разлада.
Когда проржавел меч насквозь, точить его не надо.

Жизнь обещала праздники, а слова не сдержала.
Как ни обидно, истины в хадисах наших мало.

Из множества наставников я лишь рассудку внемлю.
Земное бремя тяжкое повергну я на землю,

На путь добра спасительный ступлю, расправив спину,
Покину мир губительный и суету отрину.

О эта жизнь коварная, царящая над нами,
Столь цепкая веревками, столь крепкая цепями!

Мы в пору созревания встречаемся для боя,
Потом, под старость, прячемся в одной тени от зноя.

А кто живет умом своим, спокоен сердцем, зная,
Что и любовь и ненависть — равно тщета пустая.

* * *

У добродетели две степени. Иль три?
Без предпочтения на спорящих смотри.

В день Страшного суда Аллаху станет жалко
Прилежных тружениц, склонявшихся над прялкой.

Душеспасителен их заработок был.
Терпенье в слабости — залог избытка сил.

Из нитей солнечных носили покрывала,
А пряжу нищете их щедрость раздавала.

Делились крохами опресноков сухих,
И взыщет их судья и возвеличит их.

Комар, которого Всевышний не осудит,
Слону индийскому по весу равен будет.

Когда земля, трясясь, качнулась тяжело,
Горчичное зерно идущего спасло.

От мук обиженных проистекают муки
Того, кто кровью их свои окрасил руки.

Изгнанник застонал, и, потеряв престол,
Несправедливый царь в изгнание побрел.

* * *

Понятна разумному наша природа.
Достойный правитель — прислужник народа.

Спокойней правителя нищий живет:
Без денег, зато и без лишних забот.

На время пускают в мирскую обитель:
Придет, поживет и уйдет посетитель.

Скорбишь, потому что ушел он сейчас;
Потом не припомнишь закрывшихся глаз.

Приди добровольно в державу разлуки —
Себе я изгрыз бы в раскаянье руки.

Не плачь: разбудивший вернет забытье;
Воздвигший Каабу — разрушит ее.

* * *

Когда тебе жену и впрямь избрать угодно,
Останови, мой друг, свой выбор на бесплодной.

Смертелен каждый путь, каким бы ты ни шел,
Но путнику прямой особенно тяжел.

Так создан этот мир: один подходит к дому,
И дом освободить приходится другому.

* * *

Пора бы перестать печалиться о том,
Что истинных людей не сыщешь днем с огнем.

Ирак и Сирия—добыча разоренья,
И нет правителя, достойного правленья.

У власти дьяволы, и каждая страна
Владыке-сатане служить обречена.

Царь объедается и пьет из чаши винной,
Пока голодный люд терзается безвинно.

Присваивает грек и портит наш язык;
От речи прадедов араб-тайит отвык.

В бою килабский лис достиг такой сноровки,
Что копья у него обвисли, как веревки.

Когда же наконец объявится имам,
Который цель и путь укажет племенам?

Молись как вздумаешь, теперь не станет хуже
Стране, загаженной, что твой загон верблюжий.

* * *

О, ранней свежести глубокие морщины,
Эдема юных лет сухие луговины!

Цель молодой души — утеха и отрада,
Но трудным временам пустых забав не надо.

Надежда смелая беспечный нрав утратит,
Когда ее, как стих, подрубят или схватят.

Неутомима жизнь в изобретенье горя,
А мы свои сердца вверяем ей, не споря!

Давно уже меня газели не страшатся,
Когда в моей степи, насторожась, ложатся.

Оставь, о человек, имущество пернатым,
Не тронь снесенного и будь им старшим братом.

Причесывается, торопится умыться,
Но пусть уходит прочь красавица певица.

Один ей снится сон: струящиеся платья,
Купанье в золоте и жадных рук объятья.

Твой урожай велик: ты вырастил пороки,
Но не поместится число их в эти строки.

А Кайсу волосы укладывали девы,
И тешили его их нежные напевы.

О всадник, ты в седле на несколько мгновений,
Гляди, слетишь с коня безудержных влечений!

Ты полон свежести, тебе прикрас не надо:
Что краше чистоты потупленного взгляда?

Отдай просящему последнюю монету;
Все, собранное впрок, рассеется по свету.

Пушай горят ступни от зноя Рамадана—
Плоть усмирай постом. Все—поздно или рано—

Закроются глаза, земное в землю канет,
Но небо звездами блистать не перестанет.

Пророки умерли, но западает в души
Остаток их речей, хоть и звучит все глуше.

Я вижу: прошлое—сосуд воспоминаний,
Открытый памятью для дружеских собраний.

Хосроев больше нет, но летопись осталась,
А там забвение изъест и эту малость.

Лети, когда крылат, не бойся непогоды!
И коготь кречета обламывают годы.

Припомни, сколько птиц в дни поздней их печали
К насестам клеток их навечно привязали.

Хоть разум и велик в суждениях о боге,
Но мал окажется у бога на пороге.

Ложь в сердце у того, а правды нет и тени,
Кто лечит шарият лекарством рассуждений.

Судьба по правилам видения склоняет —
То подымает их, то снова опускает.

Вот облаков судьбы проходит вереница,
И разум кроткого бушует и мутится.

И в споре доводы рождаются без счета,
Мгновенно лопааясь, как пузыри болота.

Быть может, каждого почившего могила
За жизнь безумную сполна вознаградила.

Нет следствий без причин, и я скажу: едва ли,
Когда бы не болезнь, мы, люди, умирали.

Вода уходит вглубь, а прежде на просторе
За плещущим дождем шла напролом, как море.

* * *

Как море — эта жизнь. Средь бурных волн плывет
Корабль опасностей, неверный наш оплот.

От страха смертного неверующий стонет,
Клянет всеобщий путь и в черной бездне тонет.

Когда б он только знал, что вера для него
Была бы горестней, чем смерти торжество!

Я тщетно прятался, как труп в немой могиле:
Меня и под землей обиды посетили.

Чутье не приведет ко мне гиен степных:
Дыханье лет сотрет следы ступней моих.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание включены переводы стихотворений Абу-ль-Аля аль-Маарри из двух сборников — «Сакт аз-занд» («Искры из-под огнива»), куда вошли ранние стихи и небольшие поэмы, сочиненные поэтом до 1010 года, то есть до его возвращения из Багдада в родное селение — Мааррат ан-Нуаман, и «Лузум ма ла йалзам» («Лузумийят») («Обязательность необязательного») — сборник, в котором собраны произведения поэта почти за полстолетия (1011—1057). В сборниках сочинений (диванах) средневековых арабских поэтов стихи, как правило, располагались не в хронологической последовательности, а в алфавитном порядке рифм, что затрудняет точную датировку. Следуя традиции, мы сохраняем в нашем сборнике расположение стихов, принятое составителем дивана.

Стр. 17. *Я знаю, что того, кто завершил свой путь...* — Элегия написана на смерть друга аль-Маарри ученого-богослова Абу Хамзы.

Ад и самуд — два упоминающихся в Коране легендарных народа, истребленных Аллахом за беззакония.

Стр. 18. *Для вечной жизни мы сотворены из глины...* — Согласно Корану, человек был сотворен Аллахом из глины.

...темный дом скорбей иль светлый дом отрад... — ад или рай.

...воркуйте, голуби... — Согласно арабской легенде, голуби, воркуя, оплакивают гибель птенца-голубка, который был взят Ноем в ковчег и растерзан одной из хищных птиц. Оплакивая своего предка, голуби проявляют этим свою верность дружбе.

Йад ибн Низар ибн Маадд ибн Аднан — правнук легендарного родоначальника североаравийских бедуинских племен. «Голуби не забыли того, кто скончался ранее Йада» — то есть голубка.

Нуаман Абу Ханифа (699—767) — основатель одного из толков мусульманского права.

Зияд — Абу Умама Зияд ибн Муавия аз-Зубияни (ан-Набига аз-Зубияни, умер ок. 604 г.) — известный доисламский поэт-панегирист, в своих стихах воспевавший правителей мелких аравийских княжеств — хирского и гассанидского.

Стр. 19. **Хадисы** — предания о жизни и речах основоположника ислама, пророка Мухаммеда.

Сулейман (библ. Соломон). — Согласно мусульманскому поверью, Сулейман однажды, залюбовавшись породистыми скакунами, пропустил время молитвы и, вымещая свое раздражение, отстегал кнутom ни в чем не виновных коней.

Сура «Сад» — 38 сура (глава) Корана.

Стр. 22. **Джаафар** ибн Али — соплеменник аль-Маарри.

Ренд и кулям — растения в Аравии, традиционные символы благоухания (ренд) и зловония (кулям).

Нежд — холмистая область в Аравии.

Стр. 24. *От воинов твоих избави нас, господь!* — Под воинами аль-Маарри разумеет демонов, обитающих, согласно поверьям древних греков, в душе каждого человека.

Стр. 31. *...копьем тростниковым...* — Арабы, как и многие другие народы Востока, применяли для письма заостренную тростниковую палочку.

Аваджийские кони — порода лошадей (по названию местности).

Стр. 35. **Минбар** — кафедра для проповедников в мечети.

Джадилийский верблюд — порода верблюда, отличавшаяся, по мнению древних арабов, особой привлекательностью.

Ат-тандуб — вид дерева в Аравийской пустыне. Люди ат-тандуба — кочевники.

Стр. 38. *Я получил письмо, где каждой строчки вязь...* — Письмо в стихах (распространенный жанр средневековой арабской поэзии) адресовано одному из друзей аль-Маарри — Абу-аль-Вахиду.

Счастливый белый день, и черной ночи строки... — Абу-аль-Вахид написал письмо на белой бумаге черными чернилами.

Стр. 42. *Кольчуги* — особый цикл из 30 стихотворений. Подобно многим поэтам средневековья, аль-Маарри сочинял стихи на заданную тему, дабы продемонстрировать безукоризненное владение поэтической техникой. В отличие, однако, от многих заурядных поэтов-современников, для которых подобное занятие было лишь демонстрацией умелого использования традиционных поэтических штампов и изученных приемов стихосложения, аль-Маарри умел выразить в этих стихах свежую мысль и нарисовать красочную картину.

Стр. 43. *Аладжана* — кустарник в Аравийской степи. Уподобление робкой возлюбленной пугливой, скрывающейся в кустарнике лани — традиционный образ арабской поэзии.

Стр. 47. *Абай* (Аба) — плащ, верхняя одежда бедного человека.

Амр и Халид — мужские имена.

Радва — гора в Тихаме (Аравия).

Стр. 48. *Кубба* — место около Медины на пути в Мекку.

Стр. 50. *Но не спешит душа из-под недвижных век...* — По мусульманским верованиям, душа не покидает тело покойного до полного исления.

Стр. 51. *Хаджарийцы* — жители Хаджара — города в аль-Ахса (низменная область Восточной Аравии на побережье Персидского залива).

Йемен (страна, лежащая справа) — область Южной Аравии, славившаяся в древности богатством и плодородием земель.

Аль-Ахса — область в Восточной Аравии, где во времена аль-Маарри обосновались карматы (одна из шиитских сект). Город Хаджар был ими превращен в главный опорный пункт. Из аль-Ахса карматы совершали разбойничьи набеги на соседние области, в частности, на Ирак и Сирию, подвергали разграблению целые провинции, захватывали богатую добычу, а пленных обращали в рабство.

Сахр ибн Амр — погибший в сражении брат известной древнеарабской поэтессы аль-Ханса, сочинявшей грустные элегии, в которых она оплакивала смерть своих братьев и призывала соплеменников к мести.

Стр. 53. *Хоть до Лива ар-Рамль ты, странник, не дошел...*—Лива ар-Рамль—название местности. Смысл фразы—«не достиг желаемого».

Стр. 54. *Мейсир*—азартная игра древних арабов, суть которой заключалась в том, что в песок закапывали несколько стрел. Угадывающий должен был найти и вытащить закопанную стрелу, за что получал кусок верблюжатины, причем за каждую следующую найденную стрелу полагался все более крупный кусок мяса.

Стр. 60. *Мы*—буквы «за» и «заль» в словах арабской речи.—Арабские буквы «за» и «заль» никогда не встречаются в одном слове.

Стр. 63. *Руба ибн аль-Аджжадж*—арабский поэт VIII в., сочинявший урджузы—стихотворения с внутренней рифмой (рифмовались не только вторые, но и первые полустихия).

Стр. 66. *Четыре составных*.—Следуя за греческими философами—Анаксимандром и Гераклитом, идеи которых изложены у Аристотеля, средневековые арабы полагали, что весь материальный мир образуется из комбинации борющихся между собой четырех стихий: огня, воздуха, воды и земли.

...с тех пор, как в оны дни погиб Кааб от жажды...—Согласно легенде, некий Кааб пренебрег источником и погиб в пустыне от жажды.

Стр. 67. *Конь разбойного поэта*.—Имеется в виду древнеарабская легенда о кобылице по кличке ан-Наххама, принадлежавшей знаменитому древнеарабскому воину-разбойнику Сулейку ибн ас-Салака.

Аль-бахар—растение с приятным запахом, мускус.

Амр ибн Дарма—знаменитый древнеарабский бединский воин.

Самуил—Хасан ас-Самуаль из Таймы—древнеарабский поэт еврейского происхождения (VI в.).

Стр. 73. *Юнус*—название 10-й суры Корана.

Бараа—название 9-й суры Корана.

Стр. 77. *Восстание зинджей*—восстание чернокожих рабов в Южном Ираке и в Хузистане, где их труд использовали на работах по поддержанию оросительной системы и на плантациях хлопка и сахарного

тростника. Восстание продолжалось 14 лет (869—883). Предводитель зинджей Али ибн Мухаммед создал государство зинджей в Южном Ираке, а в 879 г. провозгласил себя халифом.

Стр. 79. *Асма и Хинд* — женские имена.

Кайс — Имрулькайс — знаменитый древнеарабский поэт VI в. Сын вождя племени асад, он, поссорившись с отцом, отправился в странствия, но, узнав о судьбе отца, убитого соплеменниками, поклялся за него отомстить, для чего обратился за помощью к вождям аравийских племен, правителю гассанидского княжества и даже к византийскому императору Юстиниану.

Стр. 84. *Буккара* — детская игра.

Стр. 86. *Аш-Шари* — местность в Ираке на берегу Евфрата.

Стр. 90. *Хинд и Зейнаб* — женские имена.

Стр. 92. *Нам солнце* — лучший друг, а мы бестыдно лжем, что поделом его бранят и бьют бичом. — Имеется в виду исламское поверье, будто солнце всякий раз противится восходу и ангелы с бранью поднимают его насильно.

Стр. 105. *Ар-ранд* — разведчик бедуинского племени, которому поручаются поиски воды и пастбищ.

Стр. 110. *Аль-мутакариб* — стихотворный размер арабской поэзии. Здесь — символ однообразия.

Стр. 111. *Кааба* — главное мусульманское святилище в Мекке со священным «черным камнем».

Стр. 112. *Ар-рабаб и тамим* — бедуинские племена Древней Аравии. Древнеарабские поэты в своих поэмах-касыдах обычно воспевали ратные подвиги родного племени. Подражая им, арабские средневековые поэты считали для себя обязательным включать в свои панегирики традиционные прославления древних племен.

Стр. 120. *Касыда* — форма древнеарабской поэзии. К касыдной композиции арабские поэты прибегали в панегириках почти до XX в.

Стр. 122. *Чернокожий из Кинда* — прозвище родоначальника и вождя одного из южноарабских бедуинских племен.

Стр. 127. *Я не спугнул ее, но птица улетела...* — намек на распространенное в древней Аравии гадание

по полету птиц, для чего птиц надо было непременно спугнуть.

Стр. 129. *Я накануне рокового переселенья...*— На учение арабо-мусульманских философов-мистиков оказали влияние пантеистические представления неоплатоников и гностиков, а возможно, буддистское учение о метампсихозе — о последовательном переходе души из одного живого существа в другое. К теме переселения души аль-Маарри обращается неоднократно, причем иногда принимает это переселение душ, а иногда отвергает.

Стр. 133. *Пятикнижие* — название пяти первых книг Ветхого завета.

И вера, говорят, еще одна придет...— Аль-Маарри имеет здесь в виду приход мусульманского мессии — махди. По мусульманским представлениям, в мир должен явиться махди, которого пошлет Аллах для завершения дела Мухаммеда, восстановления веры, обращения неверных и справедливого распределения земных благ.

Награда за три дня лишений и труда...— намек на арабскую пословицу «он пытался познать учение Моисея, Иисуса и Мухаммеда, отказываясь от воды в течение трех дней».

Стр. 136. *Шариат* — мусульманское право, основанное на Коране, Сунне (собрание преданий-хадисов о делах и словах Мухаммеда) и фетвах — решениях авторитетных мусульманских правоведов.

Стр. 140. *Он взял себе жену и трех в подмогу ей...*— По Корану, мусульманин может иметь четыре жены.

Наб — вид дерева, идущего на изготовление лука.

Стр. 141. *...глаза от злобы синие.*— Синий цвет глаз (характерный для северян-европейцев) в период войн халифата с Византией считался арабами признаком злобности и дурных душевных качеств.

Вороны — у арабов предвестники счастливых событий.

...искренность молитв на сторону восточную!— Во время молитвы мусульманин обращается лицом к Мекке, причем сторона эта именуется киблой и обозначается в мечети специальной нишей.

Стр. 145. *Быть может, прав мудрец...*—

Мудрец — Аристотель. Арабо-мусульманские философы и теологи считали Аристотеля (с которым были в основном знакомы по трудам позднейших комментаторов) величайшим ученым-философом, приписывали ему труды многих других древних мыслителей и истолковывали его учение в мусульманском духе.

Стр. 146. *Толкуют, что душа легко и смело переселяется из тела в тело.*— Речь идет о переселении души из одного тела после смерти в другое.

Стр. 148. *В числе его примет не только времени, но и пространства нет.*— Мусульманские богословы-ортодоксы, понимая слова Корана буквально, наделяли Аллаха постоянными атрибутами. Полемизируя с ними, мутазилиты-рационалисты, создатели новой системы мусульманского схоластического богословия, отвергали антропоморфизм — представление бога в человеческом образе, а также веру в существование божественных атрибутов как противоречащую принципу единобожия. Вопрос о применимости к божеству таких категорий, как время и пространство, также фигурировал в схоластических спорах.

Стр. 152. *Если воли свободной преступник лишен...*— Одним из главных предметов спора мутазили-тов с богословами-ортодоксами был вопрос о свободе воли. Мутазили-ты, исходя из мусульманского учения о справедливости бога, отрицали предопределение и развивали тезис о свободе воли, согласно которому люди совершают добрые дела и злые деяния добровольно, а рай и ад являются справедливым воздаянием за дела человеческой жизни. В стихотворении аль-Маарри мы находим отголоски этих богословско-философских споров.

Стр. 153. *Асим ибн Аби ан-Нуджум из Куфы* (умер в 744 г.) — был основателем одной из школ чтения Корана. Во времена аль-Маарри публичным чтением Корана занимались специальные чтецы (мукриун). Имелось семь способов рецитации Корана, причем все они считались в равной степени допустимыми. Основоположником другой школы был Ибн Касир из Мекки (665 — 738). Упоминаемый в стихотворении аль-Маарри Кунбуль был равнем (чтецом) при Ибн

Касире. Многие хадисы восходят к основателям школ чтения Корана, причем аль-Маарри, как следует из приведенного стиха, не считал переданные этими людьми хадисы заслуживающими доверия.

Кутруббуль — селение в Южном Ираке, славящееся своим вином.

Из четырех — одна попала в цель стрела... — См. прим. к стр. 54.

Стр. 154. *Дибиль* (765—861) и *Ибн ар-Руми* (835—896) — арабские поэты, прославившиеся ядовитыми сатирами.

Йазбуль — гора в Аравии, игравшая роль в языческом культе.

Сиф — один из сыновей Адама.

Стр. 163. *Араб-тайит* — бедуин из племени тай.

Килабский лис. — Племя бану килаб — одно из южноаравийских племен. Династия правящих в Алеппо эмиров во времена аль-Маарри вела свое происхождение от этого племени.

Стр. 164. ...когда ее, как стих, подрубят или схватят. — В арабской метрике имеются термины кифафа — подрубание и кабд — схватывание.

Стр. 165. *Рамадан* — девятый месяц мусульманского лунного календаря — время поста.

Хосрои — имя царей из династии Сасанидов.

Стр. 166. «*Подымать*» — ставить слово в именительном падеже, «*опускать*» — в косвенном падеже. Термины арабской грамматики.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Фильштинский. Замечательный поэт и мыслитель средневекового Востока</i>	5
ИСКРЫ ИЗ-ПОД ОГНИВА	
«Я знаю, что того, кто завершил свой путь...»	17
«Тебе, рыдающий, не лучше ль терпеливо...»	22
«Зачем надежд моих высокий свет погас...»	26
«И заняли они мой дом, а я ушел оттуда...»	28
«Горделивые души склонились к ногам...»	31
«Жизнью клянусь: мне уехавшие завещали...»	32
«Приветствуй становище ради его обитателей...»	33
«О туча, ты любишь Зейнаб? Так постой...»	34
«Я множество дорог оставил за спиною...»	36
«Восковая свеча золотого отлива...»	37
«Я получил письмо, где каждой строчки вязь...»	38
«Скажи мне, за что ты не любишь моей седины...»	41
Кольчуги	
1. «Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя...»	42
2. «Она и в знойный день была как сад тенистый...»	42

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ НЕОБЯЗАТЕЛЬНОГО

«Человек благородный везде отцепенец...»	47
«Молюсь молитвой лицемера, прости, мой боже!...»	49
«Побольше скромности! Я людям не судья...»	50
«За ночью день идет, и ночь сменяет день...»	51
«Когда присмотришься к живущим на земле...»	53
«Отдай верблюда людям по правилу мей- сира...»	54
«От взора свет бежит. Сиянье меркнет. Вера...»	57
«Восславим Аллаха, кормильца земли!...»	58
«Мне улыбаются мои враги, пока...»	60
«Я горевал, когда под оболочкой дня...»	61
«Что со мною стряслось? Я сношу терпе- ливо беду...»	63
«Ученых больше нет, и мрак объемлет нас...»	65
«Живу я надеждой на лучшие дни...»	71
«Добивается благ только тот, кто при- вык...»	72
«Дочерей обучайте шитью да тканью, а письму...»	73
«Уединись! Одинок твой создатель пои- стине...»	74
«Когда в науке нет ни сердцу оборо- ны...»	75
«О земные цари! Вы мечтаете смерть об- мануть...»	77
«Ни на один приказ, ни на один со- вет...»	78

«О сердце, горсть воды, о сердце наше, где...»	79
«В Египте—мор, но нет на свете края...»	80
«Разумные создания бессмертного твор- ца...»	83
«Говорящим: «Побойся всезрящего бо- га!»...»	84
«Преследователь спит. Мы в темный час идем...»	85
«Одно мученье—жизнь, одно мученье— смерть...»	88
«Довольствуй ум досужий запасом дум своих...»	90
«Ты в обиде на жизнь, а какая за нею вина?...»	91
«От мертвых нет вестей, ушли, не кажут глаз...»	92
«Подобно мудрецам, и я теперь обру- шу...»	95
«Никогда не завидуй избранникам благо- получия...»	97
«На свете живешь, к наслаждениям плоти стремясь...»	98
«Так далеко зашли мы в невежестве сво- ем...»	99
«Муж приходит к жене, ибо страсть отяг- чает его...»	101
«Сыны Адама с виду хороши...»	102
«Если в нашем кочевье объявится муд- рый ар-ранд...»	105
«В обиде я на жизнь иль не в обиде...» ...	106
«Рассудок запрещает греховные поступ- ки...»	109
«Я мог на горе им увлечь их за со- бою...»	110

«Лучше не начинайте болтать о душе на- обум...»	111
«О племя писателей! Мир обольщает ваш слух...»	112
«Сколько было на свете красавиц, подоб- ных Плеядам...»	113
«Поистине, восторг—души моей приро- да...»	114
«Мы на неправде сошлись и расстались, и вот—на прощание...»	117
«Мы сетуем с утра и жизнь спешим проклясть...»	118
«На волю отпущу, поймав блоху, затем...»	122
«Вино для них светильники зажгло...»	123
«Он юлит и желает успеха во всем...»	124
«Я не спугнул ее, но птица улетела...»	127
«Ты болен разумом и верой. Приди за словом...»	128
«Удивляюсь тому, кто кричит: «Я не пью!»...»	130
«О, если б, жалкое покинув пепелище...»	131
«Я одинок, и жизнь моя пустынна...»	132
«Предвестия судьбы—обманутый судь- бой...»	133
«Нет на свете греха. Что же мы осужда- ем его?...»	134
«На погребальные носилки слепому лечь...»	135
«Если корень зачах, то скажите: понятно ли вам...»	136
«Твори добро без пользы для себя...»	139
«Он взял себе жену и трех в подмогу ей...»	140
«Сердца у вас—кремень, в чертах лица уныние...»	141
«Зардели сонмы звезд на ясных небесах...»	142

«Человек — что луна: чуть свечение до- стигнет предела...»	144
«Быть может, прав мудрец и мир не знал времен...»	145
«Толкуют, что душа легко и смело...»	146
«Звезды мрака ночного — живые они или нет?...»	147
«Вы скажете: «Премудр податель бы- тия!»...»	148
«Все тайны пронизает всевидящее око...»	151
«Если воли свободной преступник ли- шен...»	152
«Чему ни учит жизнь — уроки нам не впрок...»	153
«Пойми значение сменяющихся дней...» ...	156
«Умы покрылись ржавчиной порока и разлада...»	157
«У добродетели две степени. Иль три?...»	158
«Понятна разумному наша природа...»	159
«Когда тебе жену и впрямь избрать угод- но...»	160
«Пора бы перестать печалиться о том...»	163
«О, ранней свежести глубокие морщи- ны...»	164
«Как море — эта жизнь. Средь бурных волн плывет...»	167
Примечания	171

Абу-ль-Аля аль-Маарри
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор
А. Ибрагимов
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
В. Кулагина
Корректор
Н. Замятина

ИБ № 1022. Сдано в набор 16.01.78. Подписано к печати 6.02.79. Формат 84×100¹/₃₂. Бумага «Верже». Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. 8,947 усл. печ. л. 3,916 уч.-изд. л. Заказ № 2767. Тираж 30 000. Цена 90 к. Издательство «Художественная литература». Москва, 107882, Ново-Басманная, 19. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

